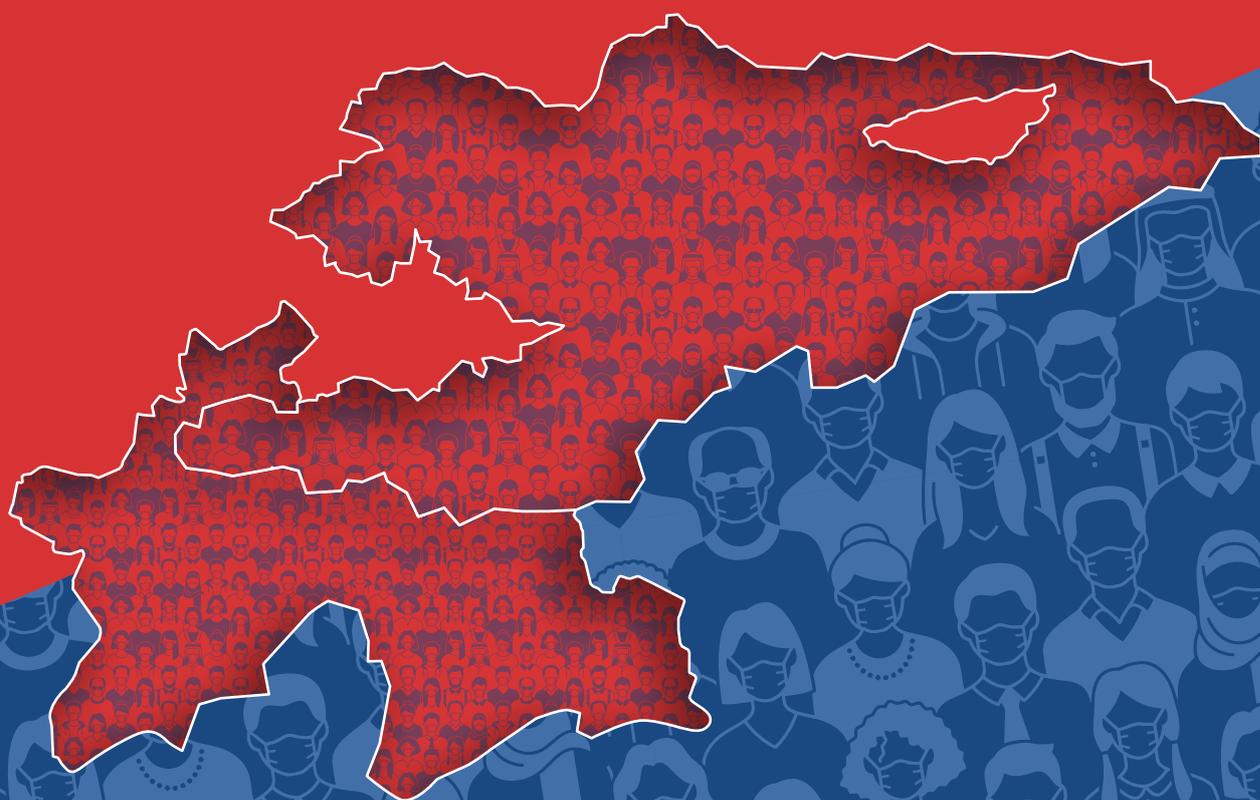

**ГРАЖДАНСКОЕ ОБЩЕСТВО
И КРИЗИС УПРАВЛЕНИЯ COVID-19
В КЫРГЫЗСТАНЕ И ТАДЖИКИСТАНЕ**

ГРАЖДАНСКОЕ ОБЩЕСТВО И КРИЗИС УПРАВЛЕНИЯ COVID-19 В КЫРГЫЗСТАНЕ И ТАДЖИКИСТАНЕ

Авторы: Азизджон Бердикулов, Муслимбек Буриев, Сергей Маринин

Выдержки из настоящей аналитической работы могут цитироваться или перепечатываться в академических целях без специального разрешения при условии обязательной ссылки на первоисточник.

Заявление об ограничении ответственности: эта публикация подготовлена при поддержке Institut für Europäische Politik (IEP) в рамках программы Eurasia Lab & Fellowship Program, финансируемой Фондами Открытого общества (OSF). Мнения, выраженные авторами, могут не отражать точку зрения IEP или OSF

ОГЛАВЛЕНИЕ

Краткое содержание работы.....	1
Введение.....	1
Методология.....	2
Определения.....	3
Государственные меры регулирования последствий пандемии COVID-19 в Кыргызстане.....	4
Политика правительство Таджикистана в период пандемии КОВИД-19.....	6
Государство против гражданского общества: выживание демократии в Кыргызстане.....	8
Вызовы для Гражданского общества в Таджикистане.....	10
Паранойя в отношении НПО.....	10
Ограничения, вводимые властями.....	12
Преодолевающая давление.....	13
Анализ инициатив и мобилизационных стратегий ОГО в Кыргызстане	13
Анализ активности и стратегий мобилизации неправительственного сектора в Таджикистане.....	18
Анализ активности и стратегий мобилизации памирцев в Таджикистане.....	22
Заключение.....	26
Памирская община в Таджикистане.....	27
Рекомендации.....	27
Список использованных источников.....	28

КРАТКОЕ СОДЕРЖАНИЕ РАБОТЫ

В данной работе анализируются стратегии мобилизации организаций гражданского общества (ОГО) в Кыргызстане и Таджикистане во время пандемии COVID-19. Работа состоит из трех частей: краткий обзор предпосылок сложившегося положения, анализ интервью с ОГО и международными организациями и практические рекомендации акторам, вовлеченным в проблему. Основные заключения работы:

- ▶ широкомасштабная мобилизация ОГО возникла как одна из важнейших форм оказания помощи нуждающимся слоям населения в обеих странах в период кризиса;
- ▶ широкое использование краудфандинга стало инструментом мобилизации финансовых средств за пределами и внутри стран;
- ▶ возникло множество волонтерских групп, не аффилированных с конкретными организациями;
- ▶ постоянное и беспрепятственное сотрудничество между государством и ОГО и стало важным опорным пунктом в деятельности последних;
- ▶ произошла институционализация деятельности отдельных волонтерских групп и движений посредством регистрации НПО некоторыми из них, а также активное вовлечение в политику посредством участия в выборных кампаниях в местные законодательные органы.

ВВЕДЕНИЕ

С начала пандемии COVID-19 государства Центральной Азии приняли разные стратегии реагирования. Кыргызстан и Таджикистан, будучи наиболее экономически не развитыми в регионе, столкнулись с серьезными трудностями в борьбе с последствиями коронакризиса. Прежде чем официально признать распространение вируса в Таджикистане, правительство страны систематически игнорировало растущее число случаев пневмонии и не вводило карантин, что только усугубило последующий кризис. В то время как правительство Кыргызстана, признав существование COVID-19, сначала оперативно ввело строгие меры изоляции, впоследствии оно, увы, также игнорировало резкое увеличение случаев пневмонии и не рассматривало их как часть официальной статистики заболеваемости, что вызвало резкое общественное недовольство и недоверие населения. Несмотря на различия в подходах двух правительств в борьбе с пандемией, все же имеются и общие черты:

- ▶ отсутствие адекватных государственных мер реагирования на кризис, недостаточная информационная кампания в начале пандемии и нехватка больниц, врачей, а также необходимого медицинского оборудования и лекарств, вызванных слабостью государственных институтов;
- ▶ неоднозначные данные государственных органов о количестве случаев заражения COVID-19 вызвали беспрецедентный скептицизм в отношении официальной информации;
- ▶ активизация негосударственных акторов и их вовлечение в процесс обеспечения основными средствами защиты, лекарствами, пищей и иными материальными ресурсами нуждающихся слоев населения как способ реагирования на государственное бессилие и неэффективное государственное управление в условиях кризиса.

В условиях сложившегося кризиса государственного управления, на авансцену выступили организации гражданского общества. Различные неправительственные организации (НПО), сообщества национальных меньшинств, волонтерские группы начали стихийно и активно мобилизовываться и взяли на себя некоторые функции государства. Например, памирцы Таджикистана, непризнанное этническое меньшинство, проживающее в основном в Горно-Бадахшанской автономной области (ГБАО), инициировали сбор средств для поддержки местных врачей и больных. Они использовали разные онлайн платформы и социальные сети с целью обращения к своим соотечественникам и всем желающим поддержать их инициативы. Кампания оказалась успешной, и некоторые местные больницы получили необходимое медицинское оборудование и лекарства. В отличие от центрального правительства, памирское сообщество не нуждалось в официальном

одобрении лиц, принимающих решения, что позволило им самоорганизоваться и быстро среагировать на последствия COVID-19.

Кризис управления в Кыргызстане также стал очевиден. Страна заняла одно из самых низких мест в рейтинге Всемирного банка по показателям эффективности государственного управления. Позже, когда в июне и июле крупные города страны захлестнуло тысячами случаев заражения COVID-19, ОГО и бизнес-сообщество были вынуждены совместно взять на себя ответственность и начать массовую мобилизацию финансовых и иных средств помощи. До начала предвыборной кампании в парламент, опасаясь потерять свою легитимность из-за неэффективного управления коронакризисом, правящий режим Кыргызстана неохотно сотрудничал с третьим сектором, преуменьшая его усилия и препятствуя функционированию НПО, пытаясь ограничить деятельность неправительственного сектора посредством принятия ограничительного законопроекта, который к счастью не вступил в законную силу. То, как гражданский сектор подошел к проблеме разрешения кризиса, вызвало к нему большее доверие со стороны общества и расширило возможности местных сообществ.

В данном проекте мы анализируем то, как различные субъекты гражданского общества отреагировали на пандемию COVID-19 и какие роли они взяли на себя с целью помочь местному населению на момент острой фазы пандемии. Следовательно, ключевыми вопросами исследования являются: Каким образом ОГО заполнили вакуум управления, вызванный кризисом COVID-19 в Таджикистане и Кыргызстане? Какие стратегии они использовали?

МЕТОДОЛОГИЯ

Поскольку данное исследование состоит из двух основных частей - обзора предпосылок кризиса и анализа интервью акторов из числа ОГО, вовлеченных в процесс разрешения кризиса, - для данных двух частей использовались разные методологические инструменты.

Чтобы в достаточном объеме осветить государственную политику в отношении COVID-19 в Кыргызстане и Таджикистане, а также определить развитие гражданского общества в обеих странах, в этом исследовании проанализированы вторичные источники, использованы методы контент-анализ и анализ дискурса.

Обзор вторичных источников, таких как интервью, онлайн медиа и отчеты международных организаций использовался для того, чтобы подробно описать, как правительства обеих стран справлялись с последствиями пандемии и распространением коронавируса в период с марта 2020 года по январь 2021 года. Метод контент-анализа использовался с целью проведения подробного анализа того, как государство воспринимало ситуацию с COVID-19 и какие меры им были приняты. Вторичные источники также использовались для обзора развития

гражданское общество в обеих странах и его нынешнего положения и статуса в условиях, когда пандемия все еще не закончилась.

Для исследования проблемы были разработаны два опросника и проведены 19 полуструктурированных интервью с представителями НПО, волонтерами, сообществами меньшинств и представителями международных организаций (9 для Кыргызстана и 10 для Таджикистана):

К категории «представители НПО» относятся индивидуумы, работающие на местные неправительственные организации и оказавшие помощь во время пандемии в рамках инициатив зарегистрированных НПО, в то время как волонтеры, опрошенные в рамках данного исследования, не связаны с какой-либо конкретной организацией. Международные организации (МО) - это организации, которые присутствуют на территории Кыргызстана или Таджикистана на основании двусторонних соглашений, и каждая работает в соответствии со своим мандатом. Сообщества меньшинств определяются как сообщества, представители которых отличаются от большинства населения культурно, лингвистически или религиозно и, что наиболее важно, тем, что идентифицируют себя как меньшинство.

Первоначальный список интервьюируемых был составлен на основе базового исследования того, какие организации, группы или отдельные лица были активны в период пандемии и оказывали какую-либо помощь местному населению. Интервью в основном проходили в режиме онлайн, за некоторыми исключениями, когда интервьюируемому и интервьюеру удавалось встретиться и поговорить лично.

Кыргызстан			
МО	НПО	Волонтеры	Итого
3	2	4	9
Таджикистан			
МО	НПО	Волонтеры	Итого
3	2	5	10

ОПРЕДЕЛЕНИЯ

Организации гражданского общества - это совокупность негосударственных субъектов (как формализованных, так и неформализованных), таких как зарегистрированные неправительственные организации (НПО), незарегистрированные волонтерские группы и специальные движения и социально ответственные представители бизнеса.

Кризис управления - это неспособность государства выполнять свои функции по регулированию и управлению чрезвычайными ситуациями.

Мобилизация - это процесс привлечения ресурсов организациями гражданского общества для оказания помощи нуждающимся слоям населения во время кризиса управления, вызванного пандемией.

Третий сектор - это общий термин, который не включает в себя ни государственные, ни частные организации, и состоит из некоммерческих структур, таких как НПО, зарегистрированные благотворительные и общественные организации.

ГОСУДАРСТВЕННЫЕ МЕРЫ РЕГУЛИРОВАНИЯ ПОСЛЕДСТВИЙ ПАНДЕМИИ COVID-19 В КЫРГЫЗСТАНЕ

Пандемия коронавируса вывела из равновесия всю планету. Китай, где началась вспышка, уведомил Всемирную организацию здравоохранения (ВОЗ) о распространении смертельного вируса только к концу декабря 2019 года, что стало одним из факторов стремительного распространения вируса внутри страны и за ее пределами. Вспышка COVID-19 получила статус глобальной пандемии только в первой декаде марта. Кыргызская Республика, как и многие страны мира, столкнулась с пандемией имея уже множество существующих системных проблем и будучи неподготовленной к быстро разрастающемуся многоуровневому кризису. Несмотря на близость к Китаю, Кыргызстану потребовалось сравнительно долгое время, чтобы признать первые случаи заболевания. Первые три случая были зарегистрированы только 18 марта 2020 года. 2 апреля власти зарегистрировали первую смерть от вируса (Штаб по Covid-19, 2020).

Правительство усилило санитарный и карантинный контроль на пограничных контрольно-пропускных пунктах. С 23 января 2020 года были прекращены все виды транспортного сообщения с Китаем. 25 января создан Республиканский оперативный штаб по борьбе с коронавирусом. Правительство объявило чрезвычайное положение 25 марта с введением комендантского часа в крупных городах и столице.

Оперативно введенные правительством жесткие меры изоляции значительно затормозили распространение вируса в течение первых двух месяцев. Однако с

точки зрения создания благоприятных условий для прохождения кризиса для и без того отсталого сектора здравоохранения, который стал еще более уязвимым перед лицом пандемии, правительство Кыргызстана оказалось не готовым. Кыргызские врачи особенно сильно пострадали от коронавируса: с начала пандемии, по официальным данным, почти 3000 медицинских работников (около 21% врачей в стране) заболели, более 70 умерли (BBC, 2020). Аптечные сети не были полностью укомплектованы необходимыми медикаментами, что привело к значительному удорожанию и недоступности жизненно важных лекарств.

Межведомственная комиссия по расследованию «Черного июля» (в июле 2020 года уровень смертности в Кыргызстане был максимальным за весь анализируемый период) прямо указала на нарушения в использовании международной финансовой помощи, распределении гуманитарной помощи и коррупции в среде высшего руководства страны. Согласно ее выводам, третий протокол лечения, который был готов в середине мая 2020 года, был намеренно придержан и не вступил в силу вовремя, чтобы обеспечить нескольким фармацевтическим компаниям, имеющим прямые связи с высокопоставленными чиновниками, беспрепятственный сбыт закупленных ранее в большом количестве лекарств, в первую очередь антибиотиков (АКИпресс, 2020).

Несмотря на значительную нехватку больничных коек в стране, за время карантина в Кыргызстане не было построено ни одной больницы (BBC, 2020). Правительство приступило к строительству дополнительных больниц только в июле, после того как пик заболеваемости пошел на убыль. В рамках социальной защиты граждан и медицинских работников правительство обязалось выделить материальные компенсации больным и семьям инфицированных медиков. Однако позже государство сформировало специальную комиссию, задачей которой стала проверка всех платежей в индивидуальном порядке. Решение о создании данной комиссии было продиктовано тем, что, по мнению властей, многие врачи сами не соблюдали правила безопасности и неправильно использовали средства индивидуальной защиты (СИЗ). На самом деле многие медицинские работники, работавшие в «красных зонах», изначально не получали надлежащих средств индивидуальной защиты, и в конечном итоге многие из них не получили никаких компенсаций или повышения заработной платы.

Беспрецедентный кризис, вызванный пандемией COVID-19, привел к массовому обнищанию и экономической рецессии в стране, которые правительство не смогло обуздать. По данным Всемирного банка, реальный ВВП Кыргызстана снизился на 8,6%, что привело страну к крупнейшему экономическому спаду в Центральной Азии (Всемирный банк, 2021 г.). Несмотря на подписание 3 апреля 2020 года закона о введении временных мер поддержки, которые включали предоставление бизнесу страны права временно не отчитываться по налоговым декларациям до 2021 года, никаких других крупных инициатив поддержки

предпринято не было. Отсутствие механизмов государственной поддержки малого и среднего предпринимательства (МСП), на которое приходится более 40% ВВП страны (Национальный статистический комитет Кыргызской Республики, 2019), стало одной из основных проблем для экономики. Один из бишкекских предпринимателей, активный волонтер, который обеспечивал питание и финансовую поддержку граждан в период пандемии, высказался по этому поводу так, резюмируя позицию многих предпринимателей страны:

“Я никогда не питал иллюзий по отношению к нашему государству. Для меня это как определенный балласт, сдерживающий раздражительный фактор, который малому и среднему бизнесу не помогает, а, скорее, тащит назад” (24.KG, 2020).

Одним из основных критических замечаний в сторону властей было и отсутствие прозрачности в распределении средств, полученных страной от международных донорских организаций. Ранее правящие элиты Кыргызстана систематически обвинялись в присвоении итак ограниченных финансовых ресурсов страны, включая международную помощь (The Diplomat, 2017). Власти Кыргызстана запросили почти 1 миллиард долларов США помощи, получили около 400 миллионов долларов США в течение 2020 года (Economist.KG, 2021). То, как расходовались средства международной помощи государством, многие организации гражданского общества и активисты сочли непрозрачными. В отсутствие системы мониторинга и оценки распределения иностранной помощи в стране, Кыргызстан вряд ли сможет построить эффективную систему государственного управления и эффективно противостоять экономической рецессии, а также завоевать доверие граждан и доноров.

Прежний правящий режим не был до конца подотчетен и открыт перед своими гражданами о масштабах пандемии в стране. Экс-президент Сооронбай Жээнбеков отказывался носить маску во время государственных поездок и официальных визитов. Первоначальный отказ от включения случаев пневмонии в общую статистику по КВИ обнажил ключевую проблему неэффективного управления кризисом - целенаправленное сокращение случаев заболевания COVID-19 в стране. 22 июля под давлением общественности страны было принято решение объединить статистику по случаям пневмонии и КВИ. Газета New York Times проанализировала статистику за предыдущую неделю того периода и сообщила, что Кыргызстан занял первое место в мире по уровню смертности от коронавируса (24.KG, 2020). Позже в августе правительство все же исключило из статистики по случаями заражения КВИ более 400 человек, объяснив их смерть причинами, не связанными с COVID-19. Эти флуктуации и непоследовательная позиция государства демонстрируют отсутствие четкого механизма учета случаев заболеваемости и возможные манипуляции со статистикой.

Правительство неэффективно информировало граждан во время кризиса. Возможностей государства не хватало в части предоставления достоверной и актуальной информации о наличии больничных коек или проверенных протоколах лечения пациентов. Кроме того, правительство систематически нарушало свободу информации граждан, подавляя средства массовой информации и преследуя блоггеров за “распространение дезинформации” о вирусе. Такая репрессивная тактика только усугубила информационную брешь, и лишила общество открытой, надежной и доступной информации по теме КВИ. Это привело к распространению множества «фейковых новостей», таких как использование собачьей крови для лечения COVID-19, что вызвало массовый отстрел бездомных собак по всему Бишкеку и за его пределами, и множество других.

Прежний правящий режим Кыргызстана продемонстрировал критическое отсутствие эффективного руководства, что в конечном итоге привело к возникновению властного вакуума во время коронакризиса. Отсутствие координации и единого фронта среди властного триумvirата - президентской администрации, парламента и правительства - и привело к данному вакууму (Омеличева, Марковиц, 2021 г.) и последующему нежеланию брать на себя ответственность за последствия. Это обстоятельство в сочетании с массовым обнищанием в значительной степени привело к октябрьским событиям после сфальсифицированных парламентских выборов в октябре 2020 года. В этих условиях неправительственный сектор был вынужден взять на себя некоторые из важнейших функций государства и активно включиться в работу в заполнении множества брешей, оставленных государством.

ПОЛИТИКА ПРАВИТЕЛЬСТВО ТАДЖИКИСТАНА В ПЕРИОД ПАНДЕМИИ КОВИД-19

В марте 2020 года в Таджикистане сообщалось о многих случаях заболеваний с симптомами, схожими с КОВИД-19. Однако правительство Таджикистана не признавало наличие в стране нового коронавируса, вместо этого говоря о вспышке пневмонии, в то время как соседние страны боролись с КОВИД-19. Пневмонию же использовали в качестве официального диагноза для заболевших, демонстрировавших признаки коронавируса.

В том же месяце доноры начали отправлять в Таджикистан гуманитарную помощь в виде предметов защиты, лекарств и финансовых средств, чтобы помочь стране подготовиться к пандемии. Одновременно с этим в стране не замечались какие-либо эффективные карантинные или другие регулятивные меры. Границы были закрыты, а людей, возвращавшихся из-за рубежа, временно изолировали, однако, в целом информационная кампания по противодействию потенциальной угрозе КОВИД-19 не отличалась масштабностью, что лишь вызывало опасение и

беспокойство среди населения. Введившиеся правительством меры при этом были лишены постоянства. Например, мечети были закрыты в марте, затем их открыли в конце месяца, и потом 18 апреля вновь закрыли. Местное представительство Всемирной организации здравоохранения (ВОЗ) в лице Галины Парфильевой сообщило о том, что в Таджикистане нет случаев заражения КОВИД-19 (Human Rights Watch, 2020).

Несмотря на глобальную пандемию и рекомендаций ВОЗ избегать массовых мероприятий, в Таджикистане провели широкое празднование Навруза в Согдийской области на севере страны. На праздничных мероприятиях, церемониях открытия и концертах присутствовали также и официальные лица, включая президента Эмомали Рахмона. (Официальный сайт Президента Республики Таджикистан, 2020).

Тем временем, в обществе росло недоверие. СМИ продолжали сообщать о подозрительных случаях смертей врачей и пациентов, в частности имевших место в Согдийской области. Таким образом, в начале апреля стало известно о скончавшемся возрастном пациенте в одной из областных больниц Согда. 13 врачей были изолированы, что побудило местное сообщество усомниться в реальном положении дел. Областной департамент здравоохранения утверждал, что пациент скончался от пневмонии, а врачей поместили на временный карантин из-за сезонной вспышки гриппа, а не из-за КОВИД-19. Чиновники также отметили, что несмотря на отсутствие коронавируса, местные власти занимаются подготовкой больниц, параллельно обвиняя граждан в том, что они не могут отличить грипп от КОВИД-19 (Cabar.asia, 2020).

16 апреля в рамках обращения к правительству, президент подчеркнул важность угрозы пандемии коронавируса и ее негативных эффектов на социально-экономическое развитие во всем мире. Он указал составить план по предотвращению и минимизации рисков КОВИД-19 и создать постоянный штаб по борьбе с пандемией. Рахмон в частности призвал госструктуры ввести налоговые льготы для предпринимателей для того, чтобы избежать роста цен, а также увеличить осведомленность населения в вопросах пандемии, содержания домов в чистоте и личной гигиены. (Официальный сайт Президента Республики Таджикистан, 2020)

На следующий день, 17 апреля во время своей речи в парламенте, Рахмон призвал членов парламента усилить сотрудничество с правительством и неправительственными акторами для предотвращения распространения КОВИД-19. Президент подчеркнул то, что “мы как древняя нация с богатой цивилизацией должны относиться с сочувствием к народам мира, в особенности ближайшим соседям, и в рамках наших возможностей оказывать им помощь и поддержку”, и призвал не впадать в панику (Официальный сайт Президента

Республики Таджикистан, 2020).

Гражданское общество, активисты и волонтерские группы начали свою активную деятельность. Они занимались не только сбором средств для врачей и нуждающихся, но также высказывались против сокрытия информации, касательно ситуации с КОВИД-19 в стране. Например, Зебунисо Солиева провела кампанию в Согде по обеспечению докторов средствами индивидуальной защиты и защитными костюмами. В своих постах в социальных сетях она просила всех объединиться в борьбе с коронавирусом, а так же просила правительство быть честным и открытым касательно угрозы КОВИД-19 (Азия-плюс, 2020). Активисты изначально проводили деятельность, направленную на помощь врачам, так как некоторые из работников сферы здравоохранения сообщали о том, что их заставляли самим покупать защитную экипировку и оборудование, несмотря на то, что иностранные доноры отправляют ее в качестве гуманитарной помощи. Например, Европейский Союз передал стране 52,2 миллиона Евро, Всемирный Банк, США, Китай, Россия, Казахстан, Узбекистан, Швейцария и Азиатский Банк Развития поддержали Таджикистан логистикой, защитным оборудованием, финансовыми средствами и продовольствием (EurasiaNet, 2020).

Наконец, 30 апреля власти страны официально зарегистрировали первые 15 случаев заболевания КОВИД-19. Такой шаг последовал за день до приезда делегации ВОЗ в Таджикистан, который планировался на 1 мая. Борьба с коронавирусом по многим оценкам представляла большую угрозу для экономики и слабой системы здравоохранения страны. Граждан обязали носить маски вне дома (EurasiaNet, 2020). 1 мая президент выделил 12,4 миллиона Сомони (примерно 89,630 Евро), предназначенных для ежемесячных заработных плат в течение трех месяцев для сотрудников системы здравоохранения, которые напрямую вовлечены в процесс диагностирования и лечения пациентов с КОВИД-19 в медицинских и карантинных учреждениях. Кроме того, президент направил свою заработную плату (чей размер неизвестен) на специальный счет, открытый в целях финансирования мер противодействия пандемии КОВИД-19 (Официальный сайт Президента Республики Таджикистан, 2020).

Однако ситуация, касаясь доступа к информации и медицинской помощи осталась без изменений даже после официального признания случаев КОВИД-19. Министерство Здравоохранения попыталось полностью взять под свой контроль всю информацию по КОВИД-19 в стране, а власти требовали следовать и пользоваться только официальными данными. Только за четыре дня количество официальных случаев КОВИД-19 в Таджикистане с 15 выросло до 230. По неофициальным данным таких случаев было намного больше. Например, по официальной статистике на 11 мая в Таджикистане 21 человек скончался от КОВИД-19. Интернет портал, созданный волонтерами для предоставления альтернативных списков погибших от коронавируса, указывал 140 летальных

исходов за тот же период. Пользователи портала утверждали, что официальные данные во много уступают реальным цифрам. Портал затем был поспешно заблокирован, а ответственным за него пригрозили санкциями за “дезинформацию и распространение паники по поводу коронавируса” (Радио Озоди, 2020). Тем не менее, были и позитивные примеры. Местная администрация Горно-Бадахшанской автономной области, населенной преимущественно непризнанной этнической группой – памирцами, регулярно делилась информацией по потраченным средствам на борьбу с КОВИД-19 и количеством пациентов, попутно признавая содействие со стороны местных предпринимателей, гражданского общества и волонтеров (Азия-плюс, 2020).

Пациентам отказывали в получении медицинской помощи, несмотря на их критическое состояние, в результате чего, были вынуждены принимать лечение у себя дома. Некоторые врачи анонимно сообщали о том, что им запрещали раскрывать информацию о пациентах, больных КОВИД-19 с середины марта, и что Государственный комитет национальной безопасности тщательно следил за ними. Предполагалось, что информацию касательно коронавируса планировали держать в секретности по крайней мере до 17 апреля, когда сын Рахмона Рустам Эмомали, мэр Душанбе, был назначен на должность спикера верхней палаты парламента страны (EurasiaNet, 2020). Властями был создан онлайн портал, и Министерство здравоохранения публиковало видеоролики по личной гигиене и безопасности во время пандемии. Однако трудно судить об эффективности подобных мер, учитывая низкую доступность интернета в Таджикистане, в частности в регионах.

Гражданское общество продолжало обращаться к властям, требуя быть более открытым. 20 апреля 18 местных НПО и активистов официально обратилось к Министерству здравоохранения, прося предоставить информацию по ситуации с КОВИД-19. НПО также написали письмо ВОЗ, в котором они выражали обеспокоенность тем, что официальные данные по количеству случаев коронавируса намного ниже настоящих показателей. Местные эксперты высоко оценивали активизм со стороны НПО, однако не питали надежд по поводу укрепления сотрудничества между государством и негосударственными акторами после того как пандемия закончится (Радио Озоди, 2020).

26 января 2021 года президент вновь обратился к парламенту. В своей речи он одобрительно высказывался о мерах, предпринятых правительством страны, в частности, о содействии сектору здравоохранения и налоговых льготах для предпринимателей. Рахмон указал, что в целом ситуация в 2020 году улучшилась, и поблагодарил врачей и население за устойчивость в период пандемии. Он снова призвал быть бдительными, несмотря на то, что в стране официально не было зарегистрировано новых случаев КОВИД-19 с начала января (Официальный сайт Президента Республики Таджикистан, 2020).

Позитивная оценка президента при этом вызывает некоторые вопросы. Продолжительная политика отрицания случаев КОВИД-19, подозрительно низкие официальные цифры количества зараженных, монополизация информационных кампаний по противодействию новому вирусу и слабый менеджмент наиболее вероятно ухудшили ситуацию в стране на многих уровнях. Секретность, сопровождающая период пандемии, спровоцировала рост волнений в обществе и привела к росту недоверия между государством и населением. С другой стороны, в то время как государство испытывало трудности в реализации своих функций во время кризисной ситуации, появилось пространство для деятельности гражданского общества.

ГОСУДАРСТВО ПРОТИВ ГРАЖДАНСКОГО ОБЩЕСТВА: ВЫЖИВАНИЕ ДЕМОКРАТИИ В КЫРГЫЗСТАНЕ

Для понимания динамики того, как государство пыталось обуздать кризис управления, вызванный пандемией в стране, нам необходимо проанализировать общий контекст отношений между государством и НПО и среду, в которой действуют ОГО в Кыргызстане на данный период времени.

Кыргызстан среди соседей по региону Центральной Азии (ЦА) является наиболее активным и продвинутым с точки зрения демократического развития и работы третьего сектора. В период от обретения независимости и до 2005 года НПО были достаточно активными и даже поддерживались правительством Кыргызстана на первых порах. В то время страну даже называли «островком демократии» в регионе. Основная парадигма в то время заключалась в том, что как международные доноры, так и местные НПО считали себя «независимой силой, уравнивающей ранее доминирующее государство» (Vuxton, 2015, стр. 225). Этот период обычно характеризуется широкомасштабными и быстрыми реформами в самых различных сферах. Примечателен тот факт, что первый президент Аскар Акаев включал в свое правительство различных представителей общественных организаций и политических групп и интересовался их анализом проводимой его кабинетом политики (Luong, 2002, стр. 111). В 1990-е годы Кыргызстан воспринимался как региональная модель построения демократии в ЦА (Engval, 2013).

Институциональное развитие организаций гражданского общества в первые годы независимости происходило в трех основных направлениях (Vuxton, 2019, стр. 123):

- ▶ Противопоставление позиций лидеров ОГО, поддерживающих разные политические силы в стране;
- ▶ Намерение оставаться нейтральными по отношению к государству;

-
- ▶ Приверженность ведущих правозащитных организаций международной повестке в области прав человека в своей адвокационной работе.

Ни один из этих факторов не присутствовал в других странах Центральной Азии. НПО Кыргызстана успешно отстаивали некоторые ключевые инициативы 90-х годов, такие как внедрение прогрессивного на то время гендерного анализа при принятии новых Трудового и Семейного кодексов и других важных законов того времени. Еще одним важным вкладом НПО стала Комплексная программа развития, для которой они разработали важные рекомендации.

Однако ближе к концу 90-х режим Акаева начал ужесточать контроль над сектором гражданского общества. Посредством быстрой и неконтролируемой приватизации государственных предприятий действовавший тогда режим практически продал и заново скупил всю экономику страны, большая часть которой перешла в собственность членов семьи Акаева и близких к ним людей (Омеличева, 2015, с.17). Фальсифицированные выборы 2005 года привели к первой революции и ознаменовали конец режима Акаева и приход к власти Курманбека Бакиева, второго президента страны.

После тюльпановой революции 2005 г. общий тренд демократического развития в стране продолжал поступательно идти вниз, особенно в период 2007-2010 гг. (Шаршенова, 2018). После вступления в должность второй президент Бакиев начал консолидировать власть, и гражданское общество страны столкнулось с различными угрозами со стороны тогдашнего режима, независимые СМИ замалчивали, а общая ситуация с политическими и гражданскими свободами значительно ухудшилась до 2010 года, когда в результате разросшейся системной коррупции и систематических репрессий представителей гражданского общества в сочетании с авторитарным правлением, возникла вторая революция, на этот раз кровавая и жестокая.

В 2010 году, после второй революции, направленной на свержение режима Бакиева, конституционная реформа создала необходимые предпосылки для создания полу-парламентской системы в Центральной Азии. Международные наблюдательные миссии признали парламентские выборы в октябре 2010 г. первыми свободными и справедливыми выборами в истории страны (Evgvall, 2015). Уровень политической и социальной мобилизации в Кыргызстане в это время был высоким, организации гражданского общества были активны и отстаивали проблемы политической несправедливости, поднимали экологические проблемы.

На сегодняшний день в Кыргызстане развитию демократических институтов препятствует новая авторитарная тенденция - изменение конституции с целью отказа от полупарламентской системы в пользу президентской, инициированной правлением Садыра Жапарова. По данным отчета Freedom House «Nations in Tran-

sit», Кыргызстан в настоящее время является консолидированным авторитарным режимом, в котором гражданское общество является «самым здоровым демократическим институтом» (Freedom House, 2020). На сегодняшний день в Кыргызстане зарегистрировано около 30 000 некоммерческих организаций. Одной из основных проблем в их работе является сильная зависимость сектора от международной помощи со стороны донорских организаций и иностранных правительств, с одной стороны, и, с другой, влияние националистически настроенных реакционных групп, которое активно расширяется и значительно усложняет работу гражданского общества (Там же).

Недавним примером давления со стороны государства на гражданское общество стала попытка ужесточить законодательство в части деятельности НПО, смысл которой сводился к ужесточению правил отчетности организаций с целью “повысить прозрачность донорского финансирования” и “защитить государственность от внешнего вмешательства” (CABAR.asia, 2020). Это конкретное предложение было выдвинуто во время «Черного июля», самый сложный период пандемии, когда волна новых заражений ежедневно достигала тысяч людей и сотен погибших. Именно в это время ОГО вышли в авангард борьбы с последствиями неэффективного государственного кризисного управления.

Кризис управления и отсутствие у государства возможностей обуздать его последствия с одной стороны, и ужесточение законодательства и, в некоторых случаях, прямое блокирование усилий НПО в решении возникших проблем с другой, естественным образом приводят нас к анализу способов мобилизации организаций гражданского общества, а также низовых движений и активных гражданских групп в течение 2020 года.

ВЫЗОВЫ ДЛЯ ГРАЖДАНСКОГО ОБЩЕСТВА В ТАДЖИКИСТАНЕ

Гражданское общество в Таджикистане менее влиятельно по сравнению с Кыргызстаном. Оно часто сталкивается с различными препятствиями в своей деятельности. Учитывая авторитарный характер власти в Таджикистане, организации гражданского общества (ОГО) (представляют собой силу, которая способствует демократизации, подчеркивает в своей деятельности социальную проблематику страны и культивирует критический подход к существующей политике государства. Несмотря на конституционно закрепленные демократическую основу, уважение прав человека и приоритет общественных интересов, правительство часто игнорирует эти ценности, а иногда и фактически пренебрегает гарантированными свободами. В этом отношении ОГО стремятся заполнить образовавшийся демократический вакуум и предоставить услуги и знания уязвимым группам населения и отдельным лицам. Из-за нехватки ресурсов

и ограниченного доступа к этим сообществам ОГО ограничены в реализации программ и мероприятий, вследствие чего им необходимо тесно координировать свои действия с государственными органами. Правительство же устанавливает правовые нормы для ОГО, поскольку авторитаризм предусматривает тесный нисходящий надзор за негосударственными инициативами, реализуемых как коммерческими, так и некоммерческими организациями.

Паранойя в отношении НПО

В случае Таджикистана правительство обычно крайне скептически относится к ОГО и их миссии. Такого рода антагонизм типичен для большинства постсоветских стран, поскольку НПО получают средства и поддержку в основном от международных доноров или иностранных правительств и / или служат местными партнерами для более крупных международных НПО. Их программы как правило разработаны в соответствии с международными демократическими стандартами. Более того, чтобы получить финансирование, НПО должны разрабатывать проекты, которые соответствуют повестке дня или требованиям, установленным донорскими организациями. Однако власти обычно напрямую сотрудничают с международными организациями и донорами, а отношения местных НПО с иностранными спонсорами в правительственных кругах вызывают настороженность. Правительство не уверено в том, действительно ли НПО стремятся содействовать местным сообществам или просто используют это как фасад, чтобы скрыть действия, направленные на дестабилизацию под опекой Запада.

Такое представление переросло в форму полноценной паранойи, которая сейчас определяет отношения между государством и гражданским обществом в Таджикистане. Такое мышление сродни теории заговора сложилось на постсоветском пространстве. В середине 2000-х годов, после многочисленных протестных движений в Украине, Грузии, России и Кыргызстане, общественные организации стали объектом критики как основные движущие силы таких движений. Критика выстраивает связь между НПО и посольствами зарубежных стран, используя косвенные или неявные доказательства. Это привело к широкому использованию термина «иностранная агент», который относится к любой организации, получающей финансирование из-за рубежа, особенно из западных стран. Явные негативные коннотации являются ключевым элементом этого термина, который стал довольно популярным среди авторитарных постсоветских политиков. Сразу же сомнения переросли в страх недостатка контроля, что заставляет авторитарные правительства вводить новые регуляции и ограничения для НПО или ужесточать существующее законодательство.

НПО в Таджикистане прошли через длительный процесс развития на протяжении всей истории. Раньше они существовали как формы соседских союзов как при

Российской Империи, так и при Советском Союзе. Эти небольшие неформальные организации оказывали помощь местным общинам в районах, в которых они проживали, на добровольной основе, что установило принципы, на которых действуют сегодняшние ОГО в стране. Кроме того, учитывая советскую политику в области образования, профсоюзы или “махалли” начали становиться более сложными по своей структуре. Но при этом они не имели большого влияния на местную политику (опять же учитывая характер советской власти). В основном они концентрировались на разрешении небольших споров в районах и обычно выступали в качестве координационных центров между государством и местными сообществами в Таджикистане.

Во время Гражданской Войны в Таджикистане, произошедшей ненадолго после распада Советского Союза, некоторые из ранее существовавших гражданских союзов начали перерастать в организации двух разных типов (Азиатский Банк Развития, 2011). Первый сегмент состоял из политизированных организаций, таких как Растохез или Лайли Бадахшон, которые были нацелены на продвижение нового политического направления для недавно возникшего независимого Таджикистана. Второй тип состоял из остатков старых соседских союзов или похожих объединений. Кризис, вызванный массовым насилием и военными действиями, привел к мобилизации людей, оказывающих помощь сообществам, страдавшим от голода и болезней. В результате, в 90-е годы начали появляться официально зарегистрированные НПО, и к 1997 году их количество составляло около 300, а в 2000 году выросло до 625 (Муллоджанов, 2001). Международные НПО и донорские организации стояли у истоков институционализации гражданских союзов в Таджикистане, предоставляя финансовую и административную помощь развивающимся современным типам гражданского общества (Азиатский Банк Развития, 2011).

Гражданская война в Таджикистане была полной перестройкой всех политических, экономических и социальных механизмов в стране. Общее мышление столкнулось с проблемами, касающимися идентичности и восприятия независимого правительства. Лица, определяющие политику, должны были подготовить почву для того, чтобы независимый Таджикистан начал процесс демократизации. Гражданское общество, представлявшее в основном людей, которые предпочли не участвовать в военных действиях ни на одной из противоборствующих сторон, стало главным, если не единственным катализатором демократизации и, как стало очевидно, противовесом авторитарным тенденциям в правлении страны. Международные организации и доноры увидели потенциал в новых НПО в Таджикистане, таким образом, приложив усилия для расширения возможностей негосударственных организаций использовать этот потенциал для сохранности демократических норм. С другой стороны, ОГО прямо не связывают свою миссию с полноценными идеологическими сдвигами, которые на законных основаниях

угрожали бы хрупкости авторитарного правления в стране. У каждой НПО есть своя собственная повестка дня, будь то права человека или расширение прав и возможностей женщин, но в целом она подпадает под понимание гражданского общества в целом как силы, обеспечивающей альтернативную точку зрения на действия и политику действующего руководства Таджикистана.

Ограничения, вводимые властями

Действующее законодательство, регулирующее деятельность НПО, базируется в основном на законе «Об общественных объединениях», принятом в 2007 году. В первой редакции закона были установлены основы процесса регистрации и выделены основные типы субъектов, подпадающих под действие правовых норм - общественные организации, общественные движения и неофициальные союзы (Закон Таджикистана об общественных объединениях, 2007 г.). По сравнению с нынешним состоянием закона, изначально нормы были скорее средством содействия признания НПО и независимых групп в качестве институтов, играющих важную роль в социальных процессах. Однако после внесения дополнительных поправок стало очевидно, что правительство стремительно движется к ужесточению регулирования гражданского общества. Важно отметить, что в то время процветали настроения против НПО, которые культивировались постсоветскими режимами через СМИ и академическую среду.

Интересно, что такие идеи начали возникать после революционных движений в Грузии, Украине и Кыргызстане, имевших место в начале и середине 2000-х годов. Критики выстроили «кристально чистую» связь между западными правительствами и местными НПО, используя для последних такие прозвища, как «демоны революции» (Новая газета, 2007). По сей день в русскоязычной академической среде и публиковалось множество научных работ, посвященных «роли НПО в цветных революциях» (Наумов, 2018; Тофан, 2016; Эльдиб, 2019). Ключевые аргументы, используемые в таких работах, можно свести к понятию того, что иностранные фонды используются для внедрения критически-настроенных мнений в отношении местных органов власти, возвращение и расширения возможностей социальных и политических активистов и «независимых СМИ». В то время как одни могут воспринимать подобные факторы как благоприятные для демократизации, другие видят и представляют их как косвенное вмешательство во внутренние дела государства. Негативное представление о НПО удачно перекликается с унаследованной после холодной войны демонизацией Запада как экспансионистской силы на пороге бывшего Советского Союза.

Политики на постсоветском пространстве начали использовать термин «иностранный агент» по отношению к организациям, получающим финансовую поддержку из-за рубежа. Несмотря на то, что этот термин использовался во всем мире, в том числе в США и ЕС, на постсоветском политическом пространстве

он стал популярным после того, как в 2012 году Россия приняла поправки к закону «О некоммерческих организациях», запрещающему любые НПО, которые занимаются «политической деятельностью», получая при этом средства или оборудование от зарубежных организаций. Позже российские власти запретили «иностранным агентам» участвовать в избирательных кампаниях, в том числе и в качестве обозревателей выборных процессов (Lenta.RU, 2014).

На законотворческую деятельность в Таджикистане сильно влияют тенденции российского законодательства. Так, в 2015 году в таджикский закон об общественных объединениях были внесены первые поправки, обязывающие местные НПО регулярно отчитываться в Министерстве юстиции Таджикистана о полученных средствах, делая их подотчетными государству. Ключевым оправданием было то, что правительство было озабочено возможными связями НПО с радикальными движениями, поэтому отслеживание финансовых следов свело бы к минимуму такой риск (Институт по освещению войны и мира, 2015). Это был первый случай, когда страх перед иностранным вмешательством повлиял на статус НПО в Таджикистане. Однако политики Душанбе сохраняют тесные связи с международными донорами, когда дело касается прямых инвестиций и кредитов. Таким образом, опасения касаются только негосударственных субъектов, деятельность которых априори сомнительна, поскольку не регулируется государством. Таким образом, поправки были призваны заполнить «контрольный вакуум» третьего сектора Таджикистана, но это было только начало. В 2019 году власти Таджикистана ввели новые требования к НПО размещать все финансовые данные на своих веб-сайтах для постоянного доступа к информации о расходах и налоговых платежах, а также хранить все финансовые документы, включая квитанции, счета-фактуры и банковские чеки. (Поправки к закону Республики Таджикистан об общественных объединениях, 2018) По иронии судьбы, правительство Таджикистана стремится обеспечить прозрачность деятельности НПО, но не соблюдает ее.

Преодолевая давление

Однако препятствия для ОГО в Таджикистане не ограничиваются законодательством. Фактически, законодательство является лишь выражением недоверия правительства к гражданскому обществу; наложение ограничений за правовыми рамками также имеет место во взаимодействиях НПО и государства. Во рамках своей деятельности НПО должны согласовывать свои действия с государственными органами, чтобы «избежать ненужных проблем», что не требуется по закону. Однако гражданское общество понимает авторитарный стиль государственного управления в Таджикистане и стремится снизить риск того, что их деятельность могут прекратить со стороны властей. Правительство владеет доступом к информации, данным и контактам, которые могут иметь ключевое значение для проектов НПО. В целом, ограничение доступности любой

информации является основной причиной нежелания таджикского правительства обеспечить прозрачность. В этом случае НПО приходится адаптироваться. Такие условия вынуждают их обращаться в государственные органы, вести личные переговоры с чиновниками и убеждать их дать разрешение или поделиться контактами и нужной информацией или оказать содействие. Не говоря уже о том, что НПО должны предоставить любой требуемый документ, подтверждающий основную цель проекта, планы и финансовые возможности. Такие требования не стандартизированы законодательно, поэтому перечень документов и их форма могут варьироваться в зависимости от города или региона, в котором НПО планируют реализовать свои программы. Таким образом, НПО всегда приходится адаптироваться, мобилизовывать свои личные связи и находить различные способы просто выполнять свою работу и отчитываться перед донорами.

Недоверие правительства к ОГО негативно повлияло также и на общественное мнение о НПО (Saferworld, 2020). Из-за паранойи по поводу того, что иностранные фонды являются ключевым источником, обеспечивающим устойчивость местных НПО, население склонно приходить к тем же выводам, что и государство. Этот фактор наиболее значим для НПО, поскольку местные сообщества являются основными бенефициарами их деятельности и услуг, которые они предоставляют. Однако такая паранойя среди населения связана с чувством угрозы их личной безопасности. Местное население является свидетелем создания «плохой» репутации НПО, поэтому они в свою очередь стараются избегать взаимодействия с ними в какой-либо степени, чтобы не «иметь проблем» с государством и не ассоциироваться с «иностранными агентами», что является прочной стигмой.

В то же время ОГО являются ключевыми партнерами в проектах с участием как государственных, так и международных доноров. Международные организации как основные сторонники активного участия гражданского общества в государственной политике продвигают важность гражданского надзора за реализацией законов и госпрограмм. За последние 3 года государственные учреждения стали более терпимыми к гражданскому вкладу через рабочие группы. Например, международная НПО Saferworld является ключевым партнером реформы полиции, которой удалось мобилизовать гражданские группы для обсуждения реформы, делая упор на общественные интересы и многосторонний диалог. Гражданское общество продолжает апеллировать к правительству с точки зрения содействия действующему законодательству, однако без особых результатов. Тем не менее, НПО решительно выражают свое несогласие со своим статус-кво, в то же время помогая более мелким организациям развивать необходимые навыки для сбора средств, использования современных цифровых инструментов, финансовой отчетности и основ процесса регистрации для НПО.

АНАЛИЗ ИНИЦИАТИВ И МОБИЛИЗАЦИОННЫХ СТРАТЕГИЙ ОГО В КЫРГЫЗСТАНЕ

Гражданское общество Кыргызстана значительно активизировалось в 2020 году. Оно получило новый импульс в виде резко возникшего массового активизма, инициатив по социальной мобилизации снизу и создания многочисленных сетей солидарности по всей стране. Поскольку кризис затронул практически всех без исключения, люди из всех слоев населения пришли на помощь друг другу и взяли на себя важные общественно-государственные функции. Группы добровольцев начали спонтанно формировать союзы самопомощи в столице, поскольку последствия пандемии были наиболее разрушительными для Бишкека. Такие активные группы включали в себя представителей профессиональных НПО, активных граждан, представителей молодежи, студентов, предпринимателей, а также представителей шоу-бизнеса. Все эти люди были объединены одной целью - привлечение большего внимания к масштабам проблемы. Многие студенты-медики вызвались работать в «красных зонах», а также оказывать медицинские услуги на безвозмездной основе тысячам больных по всей стране.

Беспрецедентный всплеск гражданской активности и взаимопомощи среди граждан вновь проявился и во время третьей «революции» в столице Кыргызстана в октябре 2020, когда массовые нарушения в ходе парламентских выборов вызвали всеобщее недовольство и призывы к новой выборной кампании. В конечном итоге произошло возвышение фигуры Садыра Жапарова на политическом небосклоне. Из-за состояния неопределенности и очередного «вакуума власти» многие организованные преступные группы и члены бандформирований начали захватывать частный бизнес и даже некоторые крупные государственные предприятия (Deutsche Welle, 2020). Это не только парализовало деятельность этих организаций, но и могло нарушить подготовку к зимнему сезону на то период. В этих условиях простым кыргызстанцам снова пришлось взять инициативу по сохранению страны в собственные руки. Множество групп дружинников из числа активных граждан рассредоточилось по всему городу, чтобы защитить основные государственные учреждения, штаб-квартиры организаций и частные предприятия. Так продолжалось почти месяц, пока ситуация не стабилизировалась. Это еще раз продемонстрировало значительный потенциал и динамизм кыргызского общества, в котором активно действуют массы негосударственных инициатив.

В ходе данного исследования мы проинтервьюировали 6 некоммерческих организаций, которые представляли различные уровни и степени вовлеченности в разрешение коронакризиса. Отдельные группы работали на уровне столицы, кто-то распространил свою деятельность на всю страну, некоторые организации проводили свои мероприятия в нескольких регионах сразу.

ГОРОДСКАЯ ГРУППА ВОЛОНТЕРОВ, СФОРМИРОВАННАЯ В ПЕРИОД ЛОКДАУНА (БИШКЕК)

Основные виды деятельности / стратегии мобилизации

После начала активной фазы локдауна в марте 2020 года, один из множества местных столичных и социально-активных предпринимателей, чей бизнес пришлось закрыть на несколько месяцев, зарегистрировал группу через мессенджер Telegram и начал активно привлекать людей с помощью различных платформ социальных сетей (Facebook, Instagram, Twitter, и иные мессенджеры). В первые несколько дней в группу вступило более 1 000 человек, из которых 15-20 человек составили ядро будущего руководящего комитета. Группа связалась с Алтынай Омурбековой, бывшим вице-премьер-министром Кыргызстана, которая в то время также возглавляла Штаб по борьбе с COVID-19. Волонтерская группа немедленно начала оказывать государству помощь в ряде мероприятий, которые в основном включали информационную поддержку. Первоначальная работа группы включала два ключевых компонента:

- ▶ группы волонтеров, распространяющие информацию о важности мер защиты от вируса;
- ▶ перевод и распространение в сети Интернет проверенной информации (из источников ВОЗ) о том, как защитить себя от коронавируса.

Дальнейшая деятельность группы включала помощь социально незащищенным слоям населения посредством предоставления продовольственных пайков (более 3 000 по всей стране) и закупки жизненно важных лекарств, оказание помощи медикам в приобретении СИЗ (более 20 000), защитных очков, дезинфицирующих средств, масок и др.

Сбор средств

Основная стратегия сбора денег заключалась в краудфандинге (GoFundme, электронные кошельки, банковские счета). Группа привлекла представителей бизнеса и кыргызских диаспор из-за рубежа (в основном из США, ЕС, Южной Кореи и Объединенных Арабских Эмиратов).

ОБЩЕНАЦИОНАЛЬНАЯ НЕКОММЕРЧЕСКАЯ ОРГАНИЗАЦИЯ (БИШКЕК И РЕГИОНЫ)

Основная деятельность

Поскольку на момент начала пандемии, это была устоявшаяся НПО, функционировавшая почти 15 лет, у организации была вся необходимая инфраструктура на всей территории страны и поддержка доноров. Первым

ключевым мероприятием организации стала поддержка обездоленных рабочих базара Дордой, одного из ключевых источников занятости в столице и в стране в целом. Более 7000 продовольственных пайков были переданы более чем 1 000 семей, которые были тщательно отобраны среди самых бедных районов.

Организация также оказала существенную материальную помощь медицинским работникам, предоставив более 10 000 горячих обедов, 4 000 СИЗ, 60 кислородных генераторов и необходимые медикаменты, а также и более 500 пульсоксиметров были переданы по всем 7 областям страны. НПО также оказывала информационную поддержку больницам в регионах страны по работе с новым оборудованием и вместе с бишкекскими медиками разъясняли протоколы лечения больных.

Сбор средств

Основная финансовая поддержка поступила от бизнес-ассоциаций и кыргызских диаспор за пределами страны. Примечательно, что НПО удалось привлечь знаменитостей для повышения осведомленности о масштабах проблемы и краудфандинга.

Взаимодействие с государством

Основная претензия к государству заключалась в отсутствии проактивной позиции и больших штрафах, налагаемых на волонтеров НПО, которые время от времени вынужденно нарушали правила дорожного движения в период чрезвычайного положения. НПО также указала на отсутствие должной координации со стороны государства в отношении наличия бесплатных больничных коек и предоставления нуждающимся больницам необходимого оборудования, которое подчас предоставлялось силами НПО и волонтерскими группами.

РЕГИОНАЛЬНОЕ ВОЛОНТЕРСКОЕ ДВИЖЕНИЕ (ИССЫК-КУЛЬСКАЯ ОБЛАСТЬ)

Регионы Кыргызстана пострадали сильнее по сравнению со столицей в результате коронакризиса. Данная региональная волонтерская инициатива была создана и координировалась на первых этапах социально ответственным предпринимателем из Бишкека и была направлена главным образом на Иссык-Кульскую область.

Основная деятельность

За период своей работы движение имело несколько направлений деятельности:

1. закуп и раздача необходимой помощи;
2. сбор и систематизация информации об эпидемиологической ситуации и потребностях лечебных учреждений региона;
3. попытка прервать цепочку заражения. С этой целью движение уведомило

население о ситуации в больницах (например, о количестве имеющихся больничных коек).

4. повышение осведомленности населения и медицинской компетентности врачей. Движение выпустило короткие видеоролики с разъяснениями выдающихся врачей страны, которые объяснили, какие меры следует предпринимать во время болезни.
5. снижение риска коррупции в результате передачи гуманитарной помощи. Движение разработало тактические стратегии и протоколы доставки гуманитарной помощи в медицинские учреждения, чтобы снизить риск коррупции. Этот протокол был опубликован в открытых источниках, чтобы другие организации могли им также пользоваться.
6. непрерывная оперативная помощь по перераспределению гуманитарной помощи другим движениям и организациям.
7. решение конкретных проблем на местах. Многие проблемы не были заметны на местном уровне. Поэтому доводило их до сведения общественности и средств массовой информации.

Стратегии мобилизации

Как и многие организации такого типа, движение привлекло влиятельных общественных деятелей из частного бизнеса, спорта, известных общественных деятелей, представителей СМИ и студенческого сообщества.

Сбор средств

Финансирование в основном привлекалось из источников краудфандинга, частных и государственных пожертвований от граждан и предпринимателей. Движение готовило отчеты каждый день или неделю с подробным описанием всех расходов и проделанной работе.

ПРАВозащитная организация (БАТКЕН, ОШ, ДЖАЛАЛ-АБАД)

Основная деятельность

Помимо основной деятельности, осуществляемой организацией, по обеспечению и поддержанию инициатив по продвижению мира в регионе, осуществлению обучения по наращиванию потенциала местных сообществ, гендерной проблематике и чувствительности к конфликтам, она разработала стратегию помощи, сосредоточенную на нескольких ключевых областях:

Предоставление СИЗ правоохранительным органам;

Распространение информационных листовок и руководств по работе во время

пандемии среди центров по предупреждению преступности, советов аксакалов, местных гражданских активистов и инспекторов по делам несовершеннолетних, а также участковых инспекторов милиции.

Финансирование

Финансирование в основном поступало за счет донорской поддержки из статей расходов на поддержку местных сообществ.

Взаимодействие с государством

Поскольку организация имеет положительный опыт сотрудничества с правоохранительными органами, последние активно участвовали в совместных инициативах и помогали распространять материалы по указанным местным организациям. Организация не сталкивалась с серьезными препятствиями со стороны государства, а скорее сумела выстроить партнерские отношения, основанные на доверии.

Восприятие НПО после пандемии

По словам нашего респондента, совместная работа с правоохранительными органами способствовала улучшению восприятия НПО местными властями.

МЕСТНАЯ ВОЛОНТЕРСКАЯ ГРУППА (ДЖАЛАЛ-АБАДСКАЯ ОБЛАСТЬ, ОБЛАСТНОЙ ЦЕНТР)

Основные виды деятельности / стратегии мобилизации

Интервьюируемая была одним из инициаторов группы самопомощи, которая начала мобилизовать своих друзей и знакомых, создав группу в мессенджере WhatsApp и распространяя информацию в своих социальных сетях. За ночь группа достигла максимально допустимого числа участников - более 200. Регулирующее ядро группы связалось с местным главным врачом, чтобы осведомиться о потребностях больницы. Больница попросила помочь в закупе двух туннелей для дезинфекции и замене старого рентгеновского аппарата советского образца, поскольку больница обслуживала 7 ближайших населенных пунктов, совокупно более чем 50 000 человек. Группа волонтеров также приобрела СИЗ, локтевые дозаторы, маски, концентратор и капельницы.

Сбор средств

Основные финансовые потоки поступали от краудфандинга и кыргызских диаспор за пределами страны, а также от друзей и знакомых сети волонтерской группы. Собранные средства составили около 12 000 долларов США.

Взаимодействие с государством

Региональные госструктуры создавали препятствия в виде «контролирующей комиссии» - когда рентгеновский аппарат был уже приобретен, комиссия инициировала процедуру экспертизы и приема на баланс больницы. Кроме того, комиссия в своем итоговом заключении указала, что больница чрезмерно оснащена и самодостаточна, и что никаких дополнительных медикаментов или чего-либо еще не требуется. Разумеется, реальность радикально отличалась от выводов комиссии. Некоторые члены волонтерской группы подвергались угрозам и давлению, поскольку их родители работали в больнице.

24 июля появилось распоряжение, подписанное региональным руководством Фонда обязательного медицинского страхования при Правительстве Кыргызской Республики, запрещающее больницам получать помощь волонтеров в Джалал-Абадской области на юге Кыргызстана. Позже приказ был отменен и объявлен как «не имеющий ничего общего с государственными структурами» (BBC, 2020).

ВОЛОНТЕРСКАЯ ОРГАНИЗАЦИЯ ГОРОДСКОГО УРОВНЯ (БИШКЕК).

Основные виды деятельности / стратегии мобилизации

На момент локдауна у организации уже было около 200 волонтеров по всей стране и два филиала в Москве и Санкт-Петербурге, поэтому имелась уже функционирующая инфраструктура. Первоочередное внимание уделялось раздаче продовольственных пайков малообеспеченным слоям населения и обеспечению транспорта для медицинских работников. После локдауна в июле, когда число зараженных достигало тысяч человек ежедневно, были организованы мобильные группы добровольцев, состоящие от трех до пяти человек (1 водитель, 1 медицинский работник, 1-3 добровольца), которые обеспечивали больных возможностью дышать кислородом. Всего на балансе у организации было более 40 кислородных концентраторов.

Организация использовала социальные сети в качестве основного средства распространения всех новостей. Впоследствии стала действовать тактика “сарафанного радио” и люди начали активно финансово и материально поддерживать организацию. 80% всех пожертвований осуществлялись обычными горожанами. Один случай, которым поделилась интервьюируемая, является образчиком того, насколько общество объединилось в период кризиса:

«Однажды ранним утром, когда все спали после очередной тяжелой ночи, мы услышали, какой-то шорох на улице. Оказалось, что кто-то подметает наш двор. Это был близкий родственник человека, которого нам удалось спасти накануне. Мужчина таким образом выражал свою помощь нам и благодарность, так как не был в состоянии помочь материально. Это глубоко нас тронуло».

Сбор средств

Краудфандинг был основным источником средств для обеспечения деятельности организации.

Взаимодействие с государством

Правоохранительные органы создавали благоприятные условия для работы организации и впоследствии списали все штрафы за период работы в период локдауна.

АНАЛИЗ АКТИВНОСТИ И СТРАТЕГИЙ МОБИЛИЗАЦИИ НЕПРАВИТЕЛЬСТВЕННОГО СЕКТОРА В ТАДЖИКИСТАНЕ

Активизм во время пандемии в Таджикистане принимал различные формы в зависимости от исполнителя. Нам удалось собрать данные посредством интервью с представителями НПО, международных организаций, а также с волонтерами и предпринимателями. Все акторы продемонстрировали высокий уровень мобилизации. Последующий анализ будет разделен на секции, посвященные каждому наблюдаемому случаю.

РЕСПОНДЕНТ 1 – ДИРЕКТОР НПО

Стратегия мобилизации

НПО с устоявшейся институциональной структурой смогли обеспечить широкий масштаб своей деятельности во время пандемии. Один из респондентов - директор неправительственной организации из Душанбе, которая занимается в основном проблемами развития молодежи, включая образование, профессиональную подготовку и занятость. Гуманитарная помощь не является приоритетом в деятельности организации. Тем не менее, наблюдая обострение кризиса в стране, им удалось временно переключить свое внимание на обеспечение продуктами питания и СИЗ для людей, подвергающихся риску во время пандемии. Однако попечительский совет данной НПО, состоящий из предпринимателей и индивидуальных доноров, в первую очередь решил сосредоточиться на гуманитарной деятельности. НПО в основном полагается на индивидуальные

пожертвования, что может объяснить, насколько быстро им удалось мобилизовать и перераспределить средства, избегая длительных бюрократических процедур. Мотивы борьбы с кризисом проистекают из осознания своей роли в резко меняющихся социально-экономических условиях, как описывает респондент:

«Благотворительность - не главная цель, к которой мы стремимся, но во время пандемии мы решили действовать как активная часть гражданского общества. Было ясно, что населению нужна помощь. Многие мигранты вернулись из-за границы, некоторые люди потеряли работу, инфицированные не могли позволить себе лекарства, а врачи не могли полноценно работать без средств индивидуальной защиты.»

Сбор средств

По словам респондента, НПО получила средства от более чем 2000 индивидуальных доноров через системы денежных переводов и электронный кошелек. В конце концов, НПО удалось собрать 41 278 Евро с таких пожертвований и дополнительно такую же сумму от постоянных жертвователей из попечительского совета. Команда предприняла шаги по составлению финансовой отчетности, организовав еженедельные онлайн-мероприятия, на которых публиковались данные о расходах. Как часть гражданского общества, НПО необходимо было обеспечить прозрачность своих средств.

Основная деятельность

НПО, которые работают на постоянной основе, видят необходимость проявить себя как часть гражданского общества. В Таджикистане их роль заключается в обеспечении местных сообществ и использовании имеющихся у них ресурсов, контактов и административных ресурсов для выполнения своей роли. Респондент упомянул онлайн-платформу, которая была создана задолго до начала пандемии. Платформа предназначена для людей, которые нуждаются в помощи. Впоследствии эта платформа стала базой данных о наиболее уязвимых семьях и группах, которую можно использовать для дальнейшей деятельности НПО. Однако платформа не привлекла большого внимания со стороны бенефициаров, учитывая низкий уровень доступности Интернета, НПО приходилось регулярно сотрудничать с государственными органами, отвечающими за социальное обеспечение, и которые могли предоставить доступ к спискам гораздо большего количества нуждающихся людей. Для этого НПО обычно нужно предоставлять всю необходимую документацию с указанием цели своей деятельности. Таким образом, НПО была вынуждена корректировать сроки реализации своих проектов, так как процедура проверки такой документации займет очень много времени.

Взаимодействие с государством

Во время пандемии ситуация резко изменилась в лучшую сторону. Через онлайн-платформу в НПО стало поступать намного больше заявок на получение помощи. Кроме того, команда организации открыла горячую линию, чтобы люди, не имеющие доступ к Интернету, также могли подать заявку на гуманитарную помощь. Государственные органы стали более открытыми, предоставляя списки уязвимых людей, не требуя документации, что значительно облегчило и ускорило мобилизацию данного НПО в условиях кризиса.

«Пандемия изменила всех с точки зрения их ценностей и взглядов. Мы были рады, что гражданское общество могло оказать такую большую поддержку. Сегодня к нам все чаще обращаются люди - и волонтеры, и партнерские организации.»

Наряду с государственными органами, свой вклад в деятельность НПО внесли и местные частные компании. Одна из таких компаний предоставила грузовики для перевозки продуктов питания и оборудования. Также местный провайдер мобильной связи представил сим-карты с предоплаченными минутами для команды НПО, чтобы обеспечить постоянную связь с партнерами и бенефициарами. Это позволило им распределить помощь среди более 5000 человек в Душанбе, районах республиканского подчинения и Горно-Бадахшанской автономной области.

РЕСПОНДЕНТ 2 – ЛИДЕР ВОЛОНТЕРСКОЙ ГРУППЫ

Основная деятельность

По всему Таджикистану функционирует широкая сеть волонтеров, работающих при постоянной поддержке иностранных правительственных агентств. В форме «клубов по интересам» они организуют мероприятия, дискуссии, круглые столы, тренинги и семинары по вопросам образования, личностного развития и межличностных навыков в 8 городах, включая Душанбе, Худжанд и Бохтар. Совершенствование знаний в области технологий - еще одно направление, которым они занялись в последнее время. В их офисе были установлены 3D-принтеры, которые в дальнейшем использовались в их деятельности по борьбе с КОВИД-19.

Волонтеры начали производство пластмассовых медицинских масок для врачей. Всего было изготовлено 100 лицевых щитков, которые были розданы в клиниках Душанбе и его окрестностях. Кроме того, бригаде волонтеров в Худжанде удалось напечатать 30 пар защитных очков. Волонтеры в Бохтаре помогали врачам, предоставляя им еду, дезинфицирующие средства и СИЗ. Помимо этих мероприятий, волонтеры также проводили информационные кампании по личной защите и гигиене.

Стратегия мобилизации

Группа волонтеров в основном состоит из школьников и студентов университетов и очень ограничена с точки зрения количества людей, способных проводить более крупные кампании. Они мобилизовали 6 человек в Душанбе, 3 в Худжанде и 8 в Бохтаре. Тем не менее, волонтеры продемонстрировали самостоятельность, когда дело дошло до производства масок для лица, что подразумевает эффективное обслуживание оборудования и сбор материалов для печати на местных рынках.

Однако они были ограничены в самомобилизации, поэтому при распределении помощи они полагались на одну из местных НПО. Им нужна была поддержка в получении доступа к больницам и связи с государственными учреждениями.

Взаимодействие с государством

Респондент отметил, что они не сотрудничали с государством, сославшись на существующие межправительственные договоренности:

«Наша группа редко сотрудничает с госорганами. Был подписан Меморандум взаимопонимания между правительством Таджикистана и посольством, которое нас поддерживает. В нашу деятельность во время пандемии вовлечено много молодых людей, но, как и прежде, ни одно государственное учреждение в них не участвовало.»

Тот факт, что иностранное правительство поддерживает группу волонтеров, может объяснить, что правительство не препятствовало их активности. Партнерская НПО, как добавил респондент, имеет прочные связи с государственными органами, что пошло на пользу группе волонтеров. Вместо прямого обращения к правительству команда респондента использовала сотрудничество внутри гражданского общества, полагаясь на более опытных коллег.

РЕСПОНДЕНТ 3 - ПРЕДПРИНИМАТЕЛЬ

Основная деятельность

Владелица гостиницы из Худжанда начала с того, что пожертвовала 200 долларов одной из своих знакомых, работавшей в местной больнице, на покупку партии СИЗ, таких как маски и защитные костюмы. По словам респондента, ситуация была неопределенной, так как информации о КОВИД-19 было мало или вообще не было. В ранние периоды действительно отсутствовала официальная информация о пандемии, поскольку правительство неохотно признавало случаи КОВИД-19 в Таджикистане. Вся доступная информация передавалась неофициально от одного человека к другому. Осознавая сложность и опасность такой ситуации, респондент опубликовала в социальной сети пост, в котором призвала к немедленным действиям:

«Я решила выложить, потому что сейчас не время винить друг друга, но пора объединить усилия, чтобы помочь нашим врачам и не дать им умереть. Я была удивлена, что все мои друзья и подписчики поддержали этот пост.»

Сбор средств

После этого респондент и ее команда начали получать пожертвования, на которые они заказали дополнительные СИЗ для местных врачей. Они собрали средства от доноров из многих стран: 12 826 евро из Таджикистана, 8913 евро из США, 2565 евро из России, общая сумма составила 23 400 евро. Для демонстрации эффективного расходования полученных средств было подготовлено 20 финансовых отчетов, которые были доступны в Интернете для общественности и доноров.

Стратегия мобилизации

Респонденту удалось собрать команду друзей и знакомых, которые работали на добровольных началах. Они организовали логистику с использованием личного транспорта, координацию средств, выделенных международными донорами, и связь с больницами, где у них были координаторы, которые регулярно информировали команду о нуждах персонала больницы. Сотрудники гостиницы, принадлежащей респонденту, были задействованы в качестве диспетчеров, которые принимали звонки из больниц, а сама гостиница стала своего рода штаб-квартирой для мер, проводимых командой волонтеров. Распределение ресурсов было основным направлением деятельности респондентов во время пандемии. Как предприниматель, она решила использовать имеющиеся в ее распоряжении бизнес-активы, не обращая внимания на финансовые потери, особенно с учетом негативных последствий пандемии для экономики, в том числе для гостиничного бизнеса. Однако это было важным преимуществом для управления распределением помощи и преодоления кризиса в меньших масштабах.

Взаимодействие с государством

Не менее важно то, что респондент совмещал гуманитарные мероприятия с активностью на онлайн-площадках. Она продолжила акцентировать внимание на проблеме сокрытия информации от людей и халатности государства в управлении кризисом. Конечно, такая деятельность не могла остаться незамеченной государственными органами.

«Когда я объявила о сборе пожертвований, я обратилась к врачам и руководителям больниц с просьбой обратиться к нашей команде за помощью, в зависимости от того, что им нужно. Я знаю, что многим врачам угрожали. Государственный комитет национальной

безопасности выходили даже на некоторых из них ... Я также выступила с обращением во время интервью с местными СМИ 29 апреля. Мне даже позвонили из прокуратуры. Они предположили, что займутся распределением полученных нами средств, иначе возникнут проблемы. Я отказалась, сказав, что собираю средства для врачей и что мы ведем учет своих расходов.»

Сотрудничество с местными властями Худжанда было весьма положительным. Мэрия предоставила группе респондентов контакты в госкомитете, который координирует распределение помощи больницам Худжанда. Респондент подчеркнул, что во время их деятельности не было никакого противостояния со стороны власти. Она добавила, что местные власти оставляют положительные отзывы о работе их команды.

Впоследствии респондент и ее команда создали благотворительную организацию, которая будет пропагандировать здоровое питание и образ жизни. Донор из-за границы выразил заинтересованность в поддержке таких усилий, учитывая тот факт, что члены организации обладают значительным опытом оказания помощи.

РЕСПОНДЕНТ 4 – МЕНЕДЖЕР В МЕЖДУНАРОДНОЙ ОРГАНИЗАЦИИ

Респондент 4 представляет международную организацию (МО), которая занимается в основном вопросами, связанными с правами женщин. Поэтому во время пандемии их деятельность была в преимущественной мере направлена на снижение рисков для женщин. По словам респондента, женщины были наиболее уязвимой группой, что верно, так как многие эксперты и правозащитники поднимали вопросы об увеличении количества случаев домашнего насилия в период КОВИД-19. Учитывая пандемию, деятельность МО была скорректирована с учетом конкретных условий, касающихся условий безопасности женщин в условиях кризиса и гендерного насилия.

«Мы подошли к вопросам, связанным с КОВИД, не с точки зрения здоровья, и организовали консультации с государственными партнерами, которые уже сформулировали свои приоритеты, что помогло нам адаптировать наши меры.»

Следовательно, МО не может работать за рамками своего мандата, который обычно подтверждается на многостороннем уровне и подразумевает строгое соблюдение. Таким образом, МО не оказывала никакой гуманитарной помощи. Вместо этого их деятельность, связанная с КОВИД, была довольно стандартной и включала профессиональное обучение, предоставление политических рекомендаций и полевые исследования. Однако МО пришлось наладить новые партнерские

отношения. Они решили сосредоточиться на организациях с гибкой повесткой, чтобы эффективно и быстро адаптироваться к новым кризисным условиям.

«Мы поняли, что круг наших партнеров недостаточно широк. Поэтому мы начали искать новых партнеров без ограничений в их полномочиях и тех, кто мог бы работать в экстренных случаях ... Мы подписали с ними соглашения, согласно которым их волонтеры посещали курсы и тренинги, а затем организовывали информационные кампании для местных сообществ и регистрировали случаи домашнего насилия. Наш офис взял на себя ответственность за организацию тренингов и предоставление им необходимых знаний о гендерном насилии.»

С самого начала данная МО решило тесно сотрудничать с государственными органами, так как большинство их ключевых мероприятий осуществляется через координацию с правительством, что типично для международных организаций в Таджикистане. Таким образом основным партнером является Государственный комитет по делам женщин, что предусмотрено их мандатом. МО и их партнеры работали над политическими рекомендациями для правительства, призванными улучшить управление кризисом с акцентом на уязвимости женщин. Другими партнерами, участвовавшими во время пандемии, являются международные НПО. Этот выбор основан на представлении о том, что организации, пользующиеся международной поддержкой, имеют больше ресурсов и в целом более способны, чем местные НПО.

Для своего будущего вмешательства во время кризисов МО все равно придется учитывать конкретные условия и характер таких кризисов. Респондент заявил, что ранее установленные партнерские отношения, мандаты их партнеров и добрая воля играют важную роль для сотрудничества во время чрезвычайных ситуаций. Это наглядно демонстрирует, что МО как субъекты с грозной структурой имеют меньше возможностей для маневра и должны полагаться на опыт своей деятельности внутри страны. Государственные агентства в этом отношении останутся для них ключевыми партнерами по тем же причинам.

РЕСПОНДЕНТ 5 – ГЛАВА ПРЕДСТАВИТЕЛЬСТВА МО

Другой респондент, представляющий МО, заявил, что они действительно поставляли местным общинам гуманитарную помощь, но в определенном формате. МО выделило 200 000 евро на закупку СИЗ и медицинского оборудования для местных врачей. Позже помощь распределялась сетью НПО, созданной в рамках общей деятельности организации во всех странах, где действует МО. Эти НПО представлены в 7 городах Таджикистана, в том числе в крупных административных центрах Душанбе, Худжанд, Бохтар и Хорог. Помощь распределялась при тесной координации со стороны местных властей в каждом регионе.

СИЗ были переданы людям с низкими доходами, а медикаменты были переданы в распоряжение местных больниц. Респондент сообщил, что не было никакой отчетности или мониторинга того, как распределялась помощь. В этом случае благотворительность или оказание гуманитарной помощи также не входит в мандат организации, однако они решили выделить для этого дополнительные средства. Организация прекратила свою основную деятельность после официального уведомления Министерства иностранных дел.

Что касается сотрудничества с ОГО, респондент сказал, что организация давно установила партнерские отношения с гражданским обществом, реализуемые через партнерские платформы. Однако такое партнерство зависит от того, в каком направлении будут специализироваться будущие партнеры. Мандат устанавливает правила, в которых организация выполняет свою работу, что также касается выбора местных партнеров для будущих проектов организации.

АНАЛИЗ АКТИВНОСТИ И СТРАТЕГИЙ МОБИЛИЗАЦИИ ПАМИРЦЕВ В ТАДЖИКИСТАНЕ

Бэкграунд

Памирцы - это непризнанная этническая группа, проживающая в восточной части Таджикистана - Горно-Бадахшанской автономной области (ГБАО), также известной как Памир. На Памире проживает более 230 000 человек или 2,5% населения Таджикистана. Высокогорный район Памира находится на большом расстоянии от Душанбе. Памирское сообщество имеет особую идентичность, включая памирские языки, исмаилитскую ветвь шиитской религиозной принадлежности, что выделяет их среди большинства, однако власти считают памирцев таджиками. Имамат Ага Хана и несколько его институтов, оказывающие поддержку исмаилитам, играют очень важную роль в политической и культурной жизни Памира, а также вносят свой вклад в развитие региона и его жителей (Бердыкулов, 2018). Кроме того, в сообществе наблюдается высокий уровень социальной сплоченности, что часто проявляется в общественной деятельности, включая волонтерские группы, оказание помощи и сбор средств. Особенно это проявилось во время пандемии 2020 года, не обошедшей Памир.

Гражданское общество на Памире традиционно более активно по сравнению с остальным Таджикистаном. Различные НПО, как местные, так и международные, представлены на всей территории ГБАО, многочисленные группы волонтеров и специальные движения сотрудничают с местными властями, предприятиями и сообществами. В рамках нашего проекта мы опросили четырех респондентов, которые идентифицируют себя как памирцы, и попытались проанализировать причины, по которым памирская община мобилизовалась так быстро, в то время как подобных случаев среди других этнических меньшинств в Таджикистане не наблюдалось.

РЕСПОНДЕНТ 1 – ВОЛОНТЕР С ПАМИРА

Основная деятельность

Респондент 1 уже проявлял активность до начала пандемии и участвовал во многих инициативах, направленных на укрепление обмена между местными предпринимателями. Благодаря этим инициативам было создано несколько волонтерских групп и сетей, которые активно помогали местным жителям до пандемии. Респондент 1 руководил двумя группами волонтеров по доставке муки и обеспечению медицинского персонала местных больниц средствами индивидуальной защиты (СИЗ) и другим необходимым медицинским оборудованием.

Сбор средств

Группе удалось собрать более 57 820 евро. На средства была импортирована мука. Добровольческие группы сотрудничали с пограничными и таможенными службами для облегчения доставки. На деньги также было закуплено защитное и кислородное оборудование для местных врачей и пациентов.

Взаимодействие с государством

По словам Респондента 1, местные власти не возражали ни одному из их действий, а наоборот сотрудничали и активно обменивались информацией. Респондент 1 объяснил это тем, что нынешний глава ГБАО является памирцем и имеет опыт работы с международными организациями.

Стратегия мобилизации

Респондент 1 также объяснил высокую мобильность и активность среди населения Памира «менталитетом», заявив, что это факт, что волонтерские группы и все, кто имеет возможность, всегда окажут помощь, если возникнет такая необходимость.

Группы волонтеров вели коммуникацию через онлайн-мессенджеры, чтобы координировать свою деятельность и поддерживать связь с памирцами, живущими за рубежом. У каждой группы добровольцев был свой собственный онлайн-канал по тому направлению, в которой она работала: здравоохранение, питание и т.д.. Facebook использовался для регулярного предоставления публичной информации о деятельности, расходах и потребностях.

РЕСПОНДЕНТ 2 – ВОЛОНТЕР С ПАМИРА

Основная деятельность

Респондент 2 возглавлял группу волонтеров, которая занималась обеспечением питания для медицинских работников и пациентов.

Сбор средств

Как сообщил Респондент 2, проживающие за границей памирцы связались с волонтерами в ГБАО. Они предоставили средства, а также необходимое оборудование и другие товары, в том числе отопительные приборы и микроволновые печи. Группа решила не собирать больше средств, чем необходимо, и в целом было собрано 800 евро.

Взаимодействие с государством

Группа находилась в постоянном контакте с местной администрацией и государственными органами, что помогало им доставлять продукты и другие товары нуждающимся. Группа координировала свои действия с администрацией ГБАО, Фондом Ага Хана и медицинскими работниками, чтобы выяснить, какая помощь необходима.

«Я думаю, что памирское сообщество мобилизовалось так быстро, потому что традиция волонтерства прочно укоренилась и долгое время эффективно работала в этом регионе. Во время пандемии волонтеры работали в уже установленных рамках, хотя контекст изменился. Я знаю об аналогичных инициативах в Душанбе и Бишкеке, которым помогали и наши памирские волонтеры».

Респондент 2 – волонтер с Памира

Стратегия мобилизации

Группа использовала для общения Viber и другие мессенджеры. Это также было сделано для того, чтобы избежать нагромождения помощи. Несколько групп волонтеров были готовы предоставить помощь, а специальные инициативы не были должным образом скоординированы вначале. Это, например, привело к чрезмерному обеспечению продуктами питания. В итоге, было решено создать централизованный штаб для эффективного оказания помощи.

Дальнейшая деятельность

Волонтерская группа респондента 2 продолжает свою деятельность. Общение ведется через Viber. Некоторые из волонтеров предложили местным городским администрациям создать местные группы дружинников, чтобы уменьшить присутствие военных в регионе и способствовать укреплению доверия.

РЕСПОНДЕНТ 3 – ВОЛОНТЕР С ПАМИРА

Основная деятельность

Группа волонтеров респондента 3 была создана за пределами Таджикистана. С самого начала пандемии группа реализовывала две инициативы - первая была направлена на помощь памирским женщинам-мигрантам, работающим в России, а вторая инициатива была разработана для Таджикистана.

Сбор средств

За шесть месяцев группе удалось собрать более 58 500 евро. Респондент 3 узнал, что Европейский банк реконструкции и развития (ЕБРР) поддерживает аналогичные инициативы в Узбекистане вместе с ЮНЕСКО, и обратился к нему с просьбой поддержать и их. ЕБРР удвоил средства, и в итоге у группы было 117 000 евро.

Мы только что завершили нашу первую кампанию по сбору средств и задались вопросом, сможет ли наша группа провести вторую сразу после завершения первой. Но мы все же пошли на это. Мы собрали деньги, чтобы помочь больнице в Хороге (административная столица Памира) приобрести кислородный генератор, который стоит более 100 000 евро. Мы обратились за поддержкой в ЕБРР, и они согласились поддержать нас.

Респондент 3 – волонтер с Памира

Взаимодействие с государством

Группа связалась с посольствами Таджикистана, чтобы поделиться своими инициативами. Посольство Таджикистана в Париже отозвалось положительно, хотя Респондент 3 не был уверен, участвовали ли посольства в сборе средств, поскольку это было анонимно. Не было никаких препятствий или проблем от таджикских властей или посольств для реализации инициатив группы.

Стратегии мобилизации

Группа широко использовала социальные сети для проведения различных кампаний и привлечения средств для своей инициативы, а страница в Facebook, созданная во время пандемии, была особенно популярной и полезной. Группу особенно беспокоила ситуация в Таджикистане, поскольку официальное число инфицированных выглядело подозрительно низким.

Респондент 3 поделился, что основной задачей группы было оказание помощи своим соотечественникам на Памире, однако их инициативы не ограничивались этническим фактором. Таким образом, они оказали помощь общинам Рахтского района и Хатлонской области.

Дальнейшая деятельность

Группа планировала провести открытую презентацию после того, как кислородный генератор будет доставлен в больницу в Хороге. В настоящее время группа планирует создать НПО, деятельность которой будет сосредоточена не только на Памире, но и на всей стране, используя разносторонний опыт ее основателей.

РЕСПОНДЕНТ 4 – ВОЛОНТЕР С ПАМИРА

Основная деятельность

Респондент 4 заболел КОВИД-19 и не смог найти медицинского работника в Хороге для получения необходимого лечения. Это послужило основным фактором, побудившим к действию. Бывшие одноклассники респондента и другие знакомые, живущие за границей, связались с ними, сказав, что они собрали средства и нуждаются в том, чтобы кто-то раздал их местному населению в Хороге. Респондент 4 вместе с друзьями начал искать медицинских работников, которые будут навещать пациентов на дому. Группа узнала, что медицинским работникам нужны СИЗ, а пациентам нужны лекарства. Областные больницы начали связываться с группой, чтобы сообщить им об их потребностях.

Сбор средств

Группе удалось собрать более 25 500 евро и начать закупку необходимого оборудования и продуктов питания и их распространение по всему региону Памира.

«Со мной связались памирцы, живущие в США, Канаде и Великобритании. Они сказали нам, что собирают деньги и им нужен кто-то, кто будет координировать их распределение на Памире. На Памире много волонтеров, которые действуют уже несколько лет, у них есть обширные сети и доступ к местной администрации. Большинство волонтеров занимаются предпринимательством; однако у них не обязательно достаточно средств для поддержки всех инициатив. Я был связующим звеном между теми, кто присылает нам деньги из-за границы, и волонтерами в ГБАО.»

Респондент 4 – волонтер с Памира

Стратегия мобилизации

Респонденту 4 и группе удалось мобилизовать медицинских работников через страницу в Facebook. Они также обратились к главам местных районов, чтобы узнать точное количество людей, нуждающихся в помощи. Другие медицинские работники оказывали экспертную поддержку в выборе необходимого оборудования, а также в соответствии с рекомендациями ВОЗ.

Взаимодействие с государством

Местная и региональная администрация была открыта для инициатив группы. Респондент 4 сообщил, что местные органы понимают, что кроме волонтеров, помочь не может. Сотрудничество происходило по различным инициативам. Волонтеры создали видеоролики о правилах безопасности во время пандемии, которые транслировались по местному телевидению. Кроме того, волонтеры попросили городскую администрацию накинуть маски для всех в магазинах и закрыть центральный базар, что и было сделано. Однако, когда в октябре в Хороге проходила встреча представителей гражданского общества и городской администрации, волонтеров не пригласили.

Дальнейшая деятельность

В декабре 2020 года респондент 4 и другие члены группы создали свою НПО. В первую очередь, деятельность НПО будет направлена на предотвращение стихийных бедствий, которые часто случаются на Памире.

«Процесс регистрации был сложным, но нам удалось получить свидетельство о регистрации. Местная администрация понимает, что без волонтеров им не обойтись и в будущем необходимо привлечь гражданское общество и волонтеров.»

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Основные тенденции, общие для всех опрошенных нами респондентов:

- 1. Финансовая прозрачность.** Каждая деятельность по сбору средств и расходы тщательно документировались, и каждая организация составляла финансовые отчеты каждый день или раз в неделю / месяц и размещала их на всех платформах социальных сетей.
- 2. Налаженное взаимопонимание и разделение обязанностей.** Несмотря на быстрый и беспрецедентный объем рабочей нагрузки и нехватку времени, организации эффективно справлялись с обязанностями внутри и даже координировали усилия с другими.
- 3. Использование цифровых технологий.** Все акторы активно использовали каналы социальных сетей и платформы по сбору средств для сбора средств на свои нужды.
- 4. По возможности, сотрудничество с государственными структурами.** Многие организации предпочли сотрудничать и дополнять деятельность государства по предотвращению кризиса. Государственные органы продемонстрировали высокий уровень сотрудничества, в большинстве случаев воздерживаясь от препятствования деятельности ОГО.
- 5. Вклад международных организаций в урегулирование кризисов ограничивается их мандатами.** Для МО сотрудничество с гражданским обществом является ключевым приоритетом, поскольку они более гибки в плане своей деятельности. Однако все респонденты, представляющие МО, выразили осторожное отношение к будущему сотрудничеству с ОГО, подчеркнув важность конкретного направления, в котором они работают, или ранее установленных партнерских отношений.
- 6. Продолжение деятельности после окончания острой фазы кризиса.** Некоторые новообразованные НПО и волонтерские группы формализовали свою деятельность, пройдя официальную государственную регистрацию.

Исключительно в Кыргызстане люди, участвовавшие в волонтерских движениях, в конечном итоге ушли в политику, баллотировавшись в местные советы. Некоторые волонтерские группы либо образовали политическую партию, либо присоединились к уже существующим (двое из наших собеседников были кандидатами в городской совет, один из которых стал депутатом).

Памирская община в Таджикистане

- ▶ Уровень доверия между организациями гражданского общества, волонтерскими группами и государственными органами на Памире выше.

Это может быть связано с тем, что большинство представителей местных органов власти, включая главу ГБАО, имеют памирское происхождение, а также с давними традициями сотрудничества с волонтерами. Кроме того, организации, связанные с Ага Ханом, давно присутствуют на Памире и реализуют различные проекты. Эти инициативы часто нацелены на сотрудничество между ОГО, государственными органами и включают волонтерские группы, и статус последних был нормализован с помощью множества проектов и мероприятий. Организации Ага Хана также пользуются высоким уровнем доверия из-за религиозной принадлежности, поскольку эти организации представляют исмаилитский имамат - религиозную ветвь, исповедуемую большинством памирцев.

- ▶ Реформирование опыта и знаний - трое из четырех респондентов заявили, что хотели бы расширить сферу своей деятельности после пандемии и институционализировать свои движения.
- ▶ Все респонденты разделяют общее понимание того, что на Памире существует позитивная атмосфера для волонтерской деятельности, которая могла бы позволить быструю мобилизацию людей во время пандемии.
- ▶ Значительные суммы средств были привлечены за рубежом, что стало возможным благодаря эффективному обмену между памирцами за рубежом и местными сообществами в Таджикистане. Хотя инициативы в основном касались памирских сообществ, некоторые группы волонтеров помогали сообществам, проживающим в других местах Таджикистана.

РЕКОМЕНДАЦИИ

ПРЕДСТАВИТЕЛЯМ ГРАЖДАНСКОГО ОБЩЕСТВА:

1. Инициировать взаимное обучение среди ОГО и конструктивный обмен, финансовую осведомленность, стратегии мобилизации в кризисных и чрезвычайных ситуациях;
2. Диверсифицировать стратегии сбора средств, чтобы уменьшить зависимость от грантов международных доноров и способствовать самокупаемости.

МЕЖДУНАРОДНЫМ ОРГАНИЗАЦИЯМ:

1. Нарастивать потенциал, вовлекая многоаспектное участие в различные партнерские инициативы. Основываясь на том, как местные предприниматели и общественные лидеры и волонтеры успешно сотрудничали, НПО должны определить больше возможностей;
2. Укрепить усилия НПО по дальнейшей помощи и сотрудничеству с правоохранительными органами в области охраны общественного порядка, поскольку она оказалась эффективной во время пандемии;
3. Расширять политический диалог, обмен и координацию между широким кругом заинтересованных сторон, в частности, включая недавно возникшие незарегистрированные группы добровольцев, активистов и активные инициативы на низовом уровне;
4. Поддерживать ОГО и независимые СМИ, уделяя особое внимание бюджету, финансовой прозрачности и подотчетности;
5. Разработать программы обучения для ОГО, чтобы повысить их компетенцию в области мониторинга и надзора, чтобы обеспечить прозрачность расходов государственного бюджета.

ГОСУДАРСТВЕННЫМ УЧРЕЖДЕНИЯМ:

1. Привлекать ОГО на постоянной основе в органы, ответственные за кризисное управление, чтобы воспользоваться их опытом, связями и знаниями;
2. Упростить процедуру регистрации ОГО;
3. Официально признать вклад ОГО в мотивацию и поощрение лучшей работы и сотрудничества;
4. Облегчить доступ к высокоскоростному интернет-соединению, чтобы позволить субъектам гражданского общества лучше взаимодействовать

друг с другом и с государственными структурами во время кризисных ситуаций, особенно в отдаленных районах;

5. Создавать цифровые платформы для совместной координации с ОГО во время чрезвычайных ситуаций;
6. Предоставить ОГО доступ к государственным базам данных уязвимых групп для оперативной адресной доставки гуманитарной помощи;
7. Разработать правовые нормы о таможене для упрощенного ввоза гуманитарной помощи организациями гражданского общества во время чрезвычайного положения;
8. Разработать четкие правовые нормы, регулирующие волонтерскую деятельность в Кыргызстане.

СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННЫХ ИСТОЧНИКОВ

1. 24.KG. Kyrgyzstan takes 1st place in the world with the highest number of deaths from COVID-19. (Кыргызстан занял 1-е место в мире по количеству смертей от COVID-19) Доступно: https://24.kg/english/160332_Kyrgyzstan_takes_1st_place_in_world_with_highest_number_of_deaths_from_COVID-19/ (просмотрено 2 апреля 2021).
2. 24.KG. Государство не помогает, а тащит назад. Как бизнес выживает на карантине. Доступно: https://24.kg/obschestvo/153172_gosudarstvo_neromogaet_ataschit_nazad_kak_biznes_vyijivaet_nakarantine/ (просмотрено 12 марта 2021).
3. Агентство АКИпресс. Пандемии в Кыргызстане ровно год — коррупция, бедность, крах режима. Доступно: <https://kg.akipress.org/news:1688565> (просмотрено 16 марта 2021)
4. Поправки в Закон Республики Таджикистан «Об общественных объединениях», 2018, Доступно: http://www.adlia.tj/show_doc.fwx?rgn=132983
5. Asian Development Bank, Civil Society Briefs: Tajikistan, 2011, Доступно: <https://www.adb.org/sites/default/files/publication/29302/csb-taj.pdf>
6. Bakozoda K. Radio Ozodi. В Таджикистане стал недоступен портал с альтернативным списком погибших от COVID-19 [Portal with alternative list of deaths from COVID-19 is no longer available in Tajikistan]. Available at: <https://rus.ozodi.org/a/30606373.html> (accessed 16 February 2021).
7. БиБиСи Кыргызстан. Кыргызстан: как волонтеры заменили государство в борьбе с коронавирусом. Доступно: <https://www.bbc.com/russian/features-53791289> (просмотрено 16 марта 2021)
8. Berdiqulov, A. “Minority Communities in Contemporary Tajikistan. An

-
- Overview.” European Centre for Minority Issues Working Paper, no. 108 (2018). Available from: <https://www.ecmi.de/publications/ecmi-research-papers/108-minority-communities-in-contemporary-tajikistan-an-overview> (accessed 18 April 2021).
9. Бобоходжиев, М. Asia-Plus. «Умалчивать о коронавирусе – неправильно». Активисты Согда собирают средства для покупки защитных костюмов врачам. Доступно: <https://asiaplustj.info/ru/news/tajikistan/society/20200428/zamalchivat-o-koronaviruse-nepravilno-aktivisti-sogda-sobirayut-sredstva-dlya-pokupki-zatshitnih-kostyumov-vracham> (просмотрено 10 февраля 2021).
 10. Buxton, Charles. “In Good Time and Hard Times: Civil Society Roles in Kyrgyzstan Today.” Book Chapter. In *Civil Society and Politics in Central Asia*, edited by Charles E. Ziegler. Lexington: Univ. Press of Kentucky, 2015.
 11. Buxton, Charles. *Ragged Trousered NGOs: Development Work under Neoliberalism*. Abingdon, Oxon: Routledge, 2019.
 12. CABAR.asia. «Нездоровое» внимание к НКО в Кыргызстане. Доступно: <https://cabar.asia/ru/nezdorovoe-vnimanie-k-nko-v-kyrgyzstane> (просмотрено 29 марта 2021).
 13. CABAR.asia. Tajik Authorities: the old-aged citizen died of pneumonia, not coronavirus (Власти Таджикистана: престарелый гражданин умер от пневмонии, а не от коронавируса). Доступно: <https://cabar.asia/en/tajik-authorities-the-old-aged-citizen-died-of-pneumonia-not-coronavirus> (просмотрено 10 февраля 2021).
 14. Deutsche Welle. В Киргизии неизвестные захватили месторождения угля, золота и меди. Доступно: <https://www.dw.com/ru/v-kirgizii-neizvestnye-zahvatili-mestorozhdenija-zolota-medi-i-uglja/a-55177996> (просмотрено 22 марта 2021).
 15. Dialog.tj, “Минюст России признал организацию Гавхар Джураевой “иностранным агентом”. Доступно: <https://www.dialog.tj/news/minyust-rossii-priznal-organizatsiyu-gavkhar-dzhuraevoy-inostrannym-agentom>, (просмотрено 10 марта 2021)
 16. Economist.KG. Куда уходят гранты, или Почему в Кыргызстане нет системы мониторинга финансовой помощи. Доступно: <https://economist.kg/2021/03/26/kuda-uhodyat-granty-ili-pochemu-v-kyrgyzstane-net-sistemy-monitoringa-finansovoj-pomoshhi/> (просмотрено 2 апреля 2021).
 17. Eldiib, Amr Mohammed, “Non-governmental Organisations as a Source of Technologies for Colour Revolutions in Arab Republic of Egypt in 2011-2012”, [Неправительственные организации как источник технологий цветной революции в
-

-
- Arabskoy Respublike Egipet 2011-2012 gg], In Mir Politiki i Sociologii, Issue 4, 2019
18. Engvall, Johan. “Kyrgyzstan and the Trial of Independence.” Book Chapter. In *Kyrgyzstan beyond “Democracy Island” and “Failing State”: Social and Political Changes in a Post-Soviet Society*, edited by Laruelle Marlène and Johan Engvall. Lanham, MD: Lexington Books, 2015.
 19. Eurasianet. Tajikistan plunges from denial to full-blown crisis. Available at: <https://eurasianet.org/tajikistan-plunges-from-denial-to-full-blown-crisis> (accessed 12 February 2021).
 20. Firuz M. Asia-Plus. Руководство ГБАО отчиталось за деньги, потраченные на борьбу с COVID-19. Доступно: <https://asiaplustj.info/ru/news/tajikistan/society/20200616/rukovodstvo-gbao-otchitalos-za-dengi-potrachennye-na-borbu-s-covid-19> (просмотрено 15 февраля 2021).
 21. Freedom House. Nations in Transit 2020: Kyrgyzstan. Доступно: <https://freedomhouse.org/country/kyrgyzstan/nations-transit/2020> (просмотрено 2 апреля 2021).
 22. Human Rights Watch. Central Asia: Respect Rights in Covid-19 Responses. Доступно: <https://www.hrw.org/news/2020/04/23/central-asia-respect-rights-covid-19-responses#> (просмотрено 4 февраля 2021).
 23. Institute for War and Peace Reporting, “Таджикистан: закон об НПО ведёт к проблемам”, 2015, Доступно: <https://iwpr.net/ru/global-voices/tadjikistan-zakon-ob-npo-vedyot-k-probleмам>, (просмотрено 10 марта 2021)
 24. Khurramov K. Radio Ozodi. Пока власти думали, народ стал действовать. В пандемию таджикистанцы показали силу гражданского общества. Доступно: <https://rus.ozodi.org/a/30616580.html> (просмотрено 6 февраля 2021).
 25. Lenta.ru, “Выборы оставили без «Голоса»: иностранным агентам запрещено любое участие в российском избирательном процессе” Доступно: <https://lenta.ru/articles/2014/12/08/nko/>, (просмотрено 10 марта 2021)
 26. Luong, Pauline Jones. *Institutional Change and Political Continuity in Post-Soviet Central Asia: Power, Perceptions and Pacts*. Cambridge: Cambridge Univ. Press, 2008.
 27. Mullojanov, Parviz, “Civil Society and Peacebuilding”, Chapter. In *Accord*, Issue 10, *Politics of Compromise: The Tajikistan Peace Process*, Conciliation Resources, Edited by: Kamoludin Abdullaev and Catherine Barnes, 2001, Доступно: https://rc-services-assets.s3.eu-west-1.amazonaws.com/s3fs-public/Politics_of_compromise_The_Tajikistan_peace_process_Accord_Issue_10.pdf
-

-
28. Naumov, Alexandr, “The Role of Non-Governmental Organizations in Colour Revolutions” [Rol’ nepravitelstvennykh organizatsiyi v tsvetnykh revolyutsiyah], In Gosudarstvennoye upravlenie. Elektronnyi sovetnik, 2018, Available at: <https://cyberleninka.ru/article/n/rol-nepravitelstvennyh-organizatsiy-v-tsvetnyh-revolutsiyah/viewer>
 29. Независимая газета, НПО: ангелы демократии или демоны революции, доступно: https://www.ng.ru/dipkurer/2007-04-16/19_npo.html (просмотрено 10 марта 2021)
 30. Официальный Telegram-канал штаба КР о COVID-19, <https://t.me/RshKRCOV/1139>
 31. Официальный сайт Национального статистического комитета Кыргызской Республики. Обзор деятельности малого и среднего предпринимательства в 2018 году. Доступно: <http://www.stat.kg/ru/news/obzor-deyatelnostimalogo-i-srednego-predprinimatelstva-v-2018-godu/> (просмотрено 23 марта 2021).
 32. Официальный сайт президента Таджикистана. Внеочередное оперативное заседание Правительства Республики Таджикистан. Доступно: <http://president.tj/ru/node/22861> (просмотрено 12 февраля 2021).
 33. Официальный сайт президента Таджикистана. Выплата надбавки к действующей заработной плате работников сферы здравоохранения и социальной защиты населения. Доступно: <http://president.tj/ru/node/22888> (просмотрено 12 февраля 2021).
 34. Официальный сайт президента Таджикистана. Послание Президента Республики Таджикистан, Лидера нации уважаемого Эмомали Рахмона Маджлиси Оли Республики Таджикистан «Об основных направлениях внутренней и внешней политики республики». Доступно: <http://president.tj/ru/node/25006> (просмотрено 26 января 2021).
 35. Официальный сайт президента Таджикистана. Речь на первой сессии Маджлиси милли Маджлиси Оли Республики Таджикистан шестого созыва. Доступно: <http://president.tj/ru/node/22867> (просмотрено 10 февраля 2021).
 36. Официальный сайт президента Таджикистана. Телефонный разговор с Президентом Российской Федерации Владимиром Путиным. Доступно: <http://president.tj/ru/node/22846> (просмотрено 11 февраля 2021).
 37. Официальный сайт президента Таджикистана. Участие в торжествах, посвященных Международному празднику Навруз в Худжанде. Доступно: <http://president.tj/ru/node/22718> (просмотрено 10 февраля 2021).
 38. Saferworld, “Uniting Civil Society: Improving Joint Responses for Security
-

-
- and Peace”, 2020. Доступно: <https://www.saferworld.org.uk/resources/publications/1260-uniting-civil-society-improving-joint-responses-for-security-and-peace?fbclid=IwAR0kWCCxtVPnrPdDZmyJCTZdoBJ2ocNQEZstZBkhuNhvwGsFSHYGDjECce8>, (просмотрено 10 марта 2021)
39. Satke, R. The downside of foreign aid in Kyrgyzstan. In *The Diplomat*. Доступно: <https://thediplomat.com/2017/06/the-downside-of-foreign-aid-in-kyrgyzstan/> (просмотрено 25 февраля 2021).
40. Sharshenova, Aijan. *The European Union’s Democracy Promotion in Central Asia: a Study of Political Interests, Influence, and Development in Kazakhstan and Kyrgyzstan in 2007-2013*. Stuttgart: Ibidem-Verlag, 2018.
41. The Law of The Republic of Tajikistan on Public Unions, 2008 Edition. Available at: https://www.icnl.org/wp-content/uploads/Tajikistan_pubass.pdf
42. Tofan, Alina, “The Role of West in Internal Political Processes of Post-Soviet States: The Mechanisms of Influence”, [Rol’ zapada vo vnutripoliticheskikh processah v postsovetskih gosudarstvah: mehanizmy vliyaniya], in *Vestnik Kyrgyzsko-Slavyanskogo Universiteta*, vol 16, # 6, 2016.
43. The World Bank in the Kyrgyz Republic, Recent Economic Developments, доступно: <https://www.worldbank.org/en/country/kyrgyzrepublic/overview#3> (просмотрено 1 мая 2021).

